

ВЛАДИМИР

КОЛЬЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЖИВАЯ ПУЛЯ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Живая пуля

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Живая пуля / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2013 — (Колычев.
Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-68876-0

Отморозок Жора Желтов взял-таки власть в подмосковном Потоцке в свои руки. Он «завалил» всех несогласных с его властью братков, отнял дело у крутого местного бизнесмена и обложил данью чиновников городской администрации. Здесь бы Жоре и успокоиться, но нет... Он продолжил свои бандитские «подвиги» и в один прекрасный момент доигрался: перешел дорогу киллеру Никите Горелову, да еще и похитил у него любимую женщину. Знал ведь, что за нее Никита любого в порошок сотрет. Но решил, что он не «любой» и на него это не распространяется. А зря...

ISBN 978-5-699-68876-0

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Колычев

Живая пуля

Глава 1

Стонущий голос блатного песняра, холодное пиво в больших запотевших кружках, пьяные, распаренные до красноты бандитские рожи, голые девочки... Веселится братва, очередной успех празднует. Конкурентам отпор дали – троих наглухо положили, еще пятеро в больнице. Но если бы только это. Двое случайных прохожих пострадали – мать убита, дочь в реанимации... Совсем братва страх потеряла – среди белого дня беспределит по-черному. Этим уродам все равно, где стрелять – в открытом поле или в центре города. Они давно уже потеряли право называться людьми. А бешеных зверей отстреливают...

Бритоголовый амбал сидел с прикрытыми глазами за столом. Балдеет браток, и есть от чего – в одной руке у него кружка с пивом, а другой он держит девушку за волосы, прижимая ее к низу своего живота.

Девушка безропотно подчинялась бандиту: ей страшно, ее пугала жестокая расправа за сопротивление. Но палач ничего не боялся, и рука у него не дрогнула. Пуля попала бандиту в лоб и вышла, разворотив затылок. Стену за его головой сильно заляпало сгустками крови и кусочками мозга – некрасивая картина вышла.

Второй браток просто дремал – без пива и без девочки. Видно, разморило его в парной под хмельными парами. Услышав лязг затворной рамы, он встревоженно вскочил на ноги, но тут же выстрел в голову отбросил его к стене.

А палач продолжал свой путь, не обращая внимания на женский визг. Женщины его не интересовали: насчет них команды не было.

Женщины интересовали двух озабоченных качков. Вернее, одна женщина – смазливая фигуристая блондинка. Их двое, а она – одна. Боль у нее в глазах, страдание, но и смирение в них тоже. Бандиты ведь и убить ее могут, если она вдруг откажет им в удовольствии...

Но групповым бывает не только изнасилование. Групповым бывает и убийство. Вернее, казнь. Эти бандиты заслужили сурового наказания, и палач двумя выстрелами привел приговор в исполнение.

Контрольные выстрелы прозвучали на обратном пути. Восемь патронов – четыре трупа. А девушки пусть живут. Они неопасны, ведь палачу полагается надевать маску во время казни, чтобы никто не знал его в лицо...

К тому же это его дембельский аккорд. Закончился контракт на работу, а продлевать его больше некому. Да и отходной путь за бугор уже готов...

Девять лет спустя

Хорошо за границей, но дома лучше. Настолько лучше, что Никита без сожаления променял голубую лагуну в Новой Зеландии на подмосковную деревушку, где не было ни моря, ни даже озера, а чахлая речушка не радовала глаз. Зато леса здесь роскошные – темнохвойные сосновые боры, пронизанные солнечным светом березовые рощи. И дышалось очень легко, хотя где-то неподалеку дымили трубы машиностроительного комбината. Город всего в шести километрах отсюда, но между ним и деревней тянулся сосновый бор. Да и роза ветров, говорят, очень удачная, и грязный воздух сюда не попадает.

Никита уже два месяца в поисках загородного дома, и деревня Горчиха у него давно на примете. Хорошая деревенька, чистая, живописная – хоть картину маслом пиши. Но деревенские избы его не прельщают, он остановил свой выбор на коттедже в районе новострой. Моск-

вичи здесь основали что-то вроде дачного поселения, хотя дома тут вовсе не из тех маломе-рок, что строятся на шести сотках. Не очень большие дома, но и не маленькие. Причем новый квартал уже построен и обжит. Все дома огорожены заборами, трава везде подстрижена, кругом клумбы с цветами, строительного мусора нигде не видно. Даже дорога крупным щебнем выложена, по ней и на спортивном «Порше» с низким клиренсом проехать можно.

Неплохая в деревне дорога, и все-таки Никита купил себе джип, и, судя по всему, не зря. Взять тот же соседний город: дороги там – увы и ах. Да и до самого города – сплошь ухабы. А ему без города никак – надо же где-то работать, в деревне этой возможности нет. Кафе открывать – только деньги на воздух выбрасывать, а продуктовый магазин здесь уже есть. Так что вся надежда на город, там наверняка будут варианты. А можно и на Москву нацелиться: пятьдесят с хвостиком километров – это не так уж и много...

Он мог бы присмотреть себе что-нибудь поближе к столице, но ему приглянулась именно эта деревушка. Да и переплачивать за близость к Москве не хотелось. Шоссе в этом направлении такое – трудно преодолеть первые десять-пятнадцать километров от Кольцевой, а дальше как по маслу. Так что практически без разницы – двадцать километров от Москвы или пятьдесят...

– Ну что скажете, Никита Тимофеевич?

Риелторша пыталась изображать невозмутимость – дескать, соискателей на этот коттедж и без него хватает, так что ее вовсе не пугает его отказ.

А коттедж заслуживал внимания. Двухэтажный дом из кирпича цвета слоновой кости, с башнеобразным эркером до самой крыши, с мансардой и балконом. И смотрелся дом здорово, и двор облагорожен – газоны, клумба, тротуарная плитка до гаража, пяти-шестиметровые кедры, садовые деревья. В доме газовое отопление, все удобства. Даже мебель здесь была, причем почти новая; правда, за нее просили отдельную цену. И еще банька бревенчатая стояла во дворе. Бассейна и бильярдной комнаты при ней не было, но хорошо можно было посидеть и в трапезной, а парилка – вообще потрясающая...

– Ну, если хозяйева согласны скинуть двести тысяч, я скажу, что покупаю этот дом. Можно оформлять сделку.

– Вы в этом уверены? – сдерживая радость, спросила Антонина Викторовна.

Симпатичная она женщина. Очки в тонкой оправе нисколько ее не портили, скорее наоборот. Если интеллигентность может быть сексуальной, то это, пожалуй, был как раз такой случай. Костюм на ней деловой – не из фирменного бутика, явно не брендовый, но смотрелась она в нем превосходно. Длинная юбка плотно облегла ее широкие бедра, а зауженный жакет подчеркивал хоть и не тонкую, но все-таки талию.

Хорошо смотрелась Антонина Викторовна, а ведь она уже не девочка, тридцать шесть лет ей. Но так и Никита всего-то на два года старше.

– Абсолютно, – бодро улыбнулся он.

– Ну, тогда мы можем заключить предварительный договор.

Такой договор заключался на бумаге, однако, не в силах сдержать нахлынувшую радость, женщина протянула Никите руку. И он не замедлил ударить с ней по рукам. Только ударил он мягко, если не сказать нежно.

– Прямо сейчас и заключим.

Они зашли в дом, Антонина Викторовна провела его в каминный зал. Кожаная мебель здесь – диван и два кресла, угловой сервант с барной стойкой, огромный плазменный телевизор с тумбочкой. Мебель хорошая, но в обстановке комнаты не хватало законченности. Голые стены можно было бы украсить картинами с подсветкой, в одном углу неплохо будет поставить часы с ходиками, в другой – торшер с плафонами в виде цветов... Но все это будет потом, а сейчас надо договориться насчет мебели. Хозяйева могли бы ее вывезти, но если Никита заплатит, все достанется ему. Мебель его вполне устраивала, и он заплатил за нее сразу и полностью.

И предоплату за дом внес. Антонина Викторовна вложила в свою папку подписанный договор и отдала ему ключи от дома. Если хозяйева не против того, чтобы он здесь жил до совершения сделки, он точно возражать не будет.

– Можете не сомневаться, вы сделали отличный выбор, – с заученной улыбкой сказала риелторша.

– Антонина Викторовна, можно без официальных, – сказал Никита, усевшись в кресло. – Я от сделки не откажусь, так что можете не переживать.

– Да я не переживаю, – уже душевно улыбнулась она.

– Пережевать надо, а не переживать, извините за каламбур. Как насчет ужина?

Никите не хотелось возвращаться в гостиницу, и он собирался переночевать здесь. Только на голодный желудок не уснешь.

– Ну... – замялась женщина.

– Обещаю не приставать... Или муж будет против?

На ее правой руке не было обручального кольца, но это еще ничего не значило: ведь женщина могла жить и в гражданском браке.

– Против того, чтобы вы не приставали? – игриво спросила риелторша.

– Нет, против ужина?

– Когда у меня будет муж, тогда он будет против. И я буду против. Но мужа нет, и сегодня у меня был трудный день...

– Думаю, бутылочка хорошего вина нам не помешает.

Антонина Викторовна думала так же, и еще она знала место, где можно было хорошо посидеть за умеренную цену.

Это был небольшой и уютный ресторан. Легкая музыка, мягкое освещение, вежливые официанты. И цены не кусались, хотя в этом и мог заключаться подвох. Но кухня Никиту не разочаровала. И каре ягненка ему понравилось, и морепродукты в рыбном салате показались ему очень вкусными. А сухое французское вино придало их разговору непринужденный характер.

Никита собирался заказать вторую бутылочку, когда к ним вдруг подсел среднего роста, невзрачной внешности мужичок лет сорока. Хлипенький он на вид, если не сказать плюгавенький, но гонору в нем выше крыши. Костюмчик на нем дешевый и, мягко говоря, не первой свежести, но это его ничуть не смущало. Держал он себя так, как будто был особой королевских кровей, привыкшей к преклонению и роскоши. Глаза наглые, взгляд напористый.

– Ты кто такой? – глядя на Никиту, спросил он.

Вопрос по меньшей мере хамский. За такое дело наказывают. Никита мог бы сломать ему челюсть, но его рука полезла в карман в поисках мелочи. Иной раз, чтобы унижить человека, совсем не обязательно распускать руки. В данном случае достаточно подать ему милостыню.

– Митя, не надо! – возмущенно и вместе с тем просительно сказала Антонина.

Но мужичок и ухом не повел. А Никита опустил монету обратно в карман. Если Антонина знала этого человека, то спешить с оскорблением не надо, а то ведь и ее можно обидеть.

– Я спрашиваю, ты кто такой? – нахраписто глядя на Никиту, спросил мужичок.

Перегаром от него тянуло. Что ж, наглость для пьяного – явление, может, и не обыденное, но вполне объяснимое.

– Митя, это мой клиент! – ответила за Никиту Антонина.

– Клиент?! – Мужичок резко глянул на нее. – Ты что, проститутка?

– Риелтор я, Митя! Риелтор!.. Никита Тимофеевич купил дом в Горчихе, мы сегодня с ним сделку заключили, вот, отметить решили...

Митя важно кивнул, вытянув трубочкой губы, недобро глянул на Никиту.

– Если я узнаю, что ты трахнул мою Тоньку... – начал он.

– Митя! Может, хватит? – истошным возгласом перебила его Антонина.

– Ну, ты меня понял, мужик! – даже не глянув на нее, оскалился хам.

Он поднялся и направился к двери.

– Кто это такой? – спросил Никита, едва сдерживаясь, чтобы не назвать мужичка клоуном.

– Мой бывший, – вздохнула Антонина.

– Понятно.

– Мы уже два года в разводе.

– Бывает.

– Дочь у нас. Юлия со мной живет... Ревнует он.

– Дочь ревнует?

– Нет, меня.

– А в ресторане он как оказался?

– Не знаю... Мы с ним здесь иногда ужинали... Может, он столик приходил заказать... – раздумывая, Антонина пожала плечами.

– Столик?

Не похож был Митя на человека, который мог заказать столик в ресторане. Разве что место под столиком...

– Он любит делать красивые жесты своим дамам...

– И что, дамы есть?

– И есть, и были... Мы с ним потому и развелись. Достал он меня своими загулами...

– Мал клоп, да вонюч, – усмехнулся Никита.

– Клоп, – кивнула Антонина. – Маленький, а укусить может больно.

– Это точно.

Антонина не производила впечатления стервы. Не сварливого нрава женщина, не сказать, что мягкая, но в быту наверняка покладистая. На таких мужики вроде Мити ездят без всякого зазрения совести. А попадись такому баба с крутым характером, на цырлах перед ней ходить будет... Ну, не воспринимал Никита всерьез таких прыщей, потому и не хотелось ему говорить о Мите. Ушел и ушел...

– А дочь сейчас где? – спросил он.

– Дома.

– Без присмотра?

– Почему без присмотра? Бабушка с нами живет. Моя мама. Верней, это мы у нее живем... А что такое? – с надеждой спросила она.

– Подумал, что вы спешите.

– Да нет, не спешу. – Антонина всем своим видом давала понять, что готова провести в его компании хоть всю ночь. – Только вот деньги домой надо отвезти.

– Не боитесь деньги дома хранить?

– У нас тревожная кнопка, если что, сразу наряд полиции подьедет.

– А с собой носить? Сумма, надо сказать, немаленькая.

– Да я как-то привыкла... У нас в Потоцке в этом плане все спокойно, на улицах не грабят.

– Ограбить могут по наводке. Вот я, например, знаю, что у вас деньги, ну а что дальше может быть, вы сами дофантазируйте, – улыбнулся Никита.

– Чур меня от таких фантазий.

Никита вдруг заметил, что Антонина с опаской смотрит на него.

– Зачем я буду грабить самого себя? – удивленно спросил он.

– Вот я и думаю, зачем?

– Ограбят вас, ограбят и меня. Так что я не должен спускать с вас глаз, – весело сказал мужчина.

– Ну, тогда охраняйте, – повеселела и она.

И шаловливые искорки в глазах запрыгали.

– Наш дом в Горчихе, я так понимаю, сигнализацией не оборудован, но я и сам вместо полиции могу.

В конце концов они взрослые люди и должны помогать друг другу бороться с одиночеством. Антонина без мужа, он без жены; для него это точно плюс, для нее, скорее всего, минус, а это значит, что по законам физики их должно притянуть друг к другу. Впрочем, если женщина заупрямится, он приставать не станет. Она сама должна все решить, чтобы не было потом никаких недоразумений. А то вдруг она подумает, что Никита под венец ее зовет, а не в постель.

Впрочем, если она вдруг так и думает, он сумеет ее разубедить. Была у него девушка, которую он очень любил, но Аси давно уже нет, а других ему не нужно...

– Наш дом? – приятно удивилась Антонина.

– Ну, вам его доверили, а я в нем поселился.

– Да, выходит, что это наш дом, – мечтательно улыбнулась она.

– Да, наш, – кивнул Никита. – Пока не закрыли сделку... Но пока мы ее не закрыли, вы можете пригласить меня к нам в гости.

– В Горчиху?

– Ну да, – гипнотизирующе посмотрел на собеседницу Никита.

– Хорошо, я приглашаю вас к нам в гости, – слегка покраснела она.

Не столько от смущения покраснела, сколько от удовольствия. Во всяком случае, так подумал он.

– Но сначала в торговый центр...

Потоцк Никите, в принципе, нравился. Основная застройка – многоэтажные крупнопанельные дома, хорошая планировка кварталов, современные на вид школы, больницы. Заводы работают здесь в полную силу, поэтому люди живут в большинстве своем неплохо. Еще пять лет назад здесь не было ни одного супермаркета, а сейчас одних только торговых центров не меньше десятка, и один круче другого. Только вот дороги здесь неважные. Главная улица еще ничего, а все остальное – тихий ужас. И убираются здесь плохо. В Москве гораздо чище, чем здесь.

И в Новой Зеландии на улицах чисто, но там города кажутся деревнями по сравнению с тем же Потоцком. Хороший там климат, природа очень красивая, но лучше дышать фабричным дымом здесь, чем умирать со скуки там. А какие там женщины... Мало того что никакие, так еще и ленивые. Такое простое блюдо, как борщ, там деликатес, а все потому, что готовить его слишком долго и сложно...

В супермаркете Никита выбрал самую большую тележку и заполнил ее с горкой. Гулять так гулять...

Дома они с Антониной пили вино, закусывая его сыром и сырокопченой колбасой. А потом Никита увлек ее в спальню. Просто взял за руку и повел на второй этаж. Сказал, что нужно проверить качество уже купленной кровати, под этим предлогом будущий хозяин дома и уложил женщину на спину.

Ему оставалось снять с нее только трусики, когда она вдруг резко свела ноги. И отвернула в сторону голову, закрыв ладонями уже оголенную грудь.

– Ты должен понимать, что я не могу с первым встречным, – пробормотала она.

Никита усмехнулся. Не раз и не два оказывался он в такой ситуации. Одинокие дамы мечтают выйти замуж, и Антонина не исключение. Потому и включился у нее защитный рефлекс – я не такая, я жду трамвая. В таких случаях Никита жестко ставил женщину перед фактом. Да, она не такая, но ему все равно, ведь он не собирается ни на ком жениться. Только секс, и ничего более... И как это ни удивительно, столь жесткий отлуп срабатывает. Женщина ненадолго входит в ступор, прощаясь со своей мечтой, затем расслабляется и получает удовольствие.

И Антонину он мог бы поставить в неловкое положение, разъяснив ей свою жизненную позицию, но не захотел. Жалко ее вдруг стало. Хорошая она баба, но несчастная. И если у них вдруг срастется по жизни, то в петлю он точно не полезет...

– Ну, если не можешь, то давай не будем.

Вино у них еще оставалось, времени до утра много... Одним словом, есть все, чтобы Антонину раскрепостить еще больше.

Но уйти ему не удалось. Женщина вцепилась в его руку, прижалась к ней грудью.

– Но ты же не первый встречный, – жадно и жарко прошептала она.

Спорить Никита не стал. И с легкостью позволил ей забрать у него инициативу.

Глава 2

Обидно, смена уже заканчивается, осталось совсем чуть-чуть, а тут вызов. Убийство в деревне Горчиха...

Когда-то Инна мечтала раскрывать запутанные преступления в духе Агаты Кристи – изучать характеры подозреваемых, методом дедукции разгадывать головоломки, находить выход из лабиринта, ведущего к убийце. Для того и поступила она после школы в юридический институт МВД, на факультет подготовки следователей. Отучилась, получила лейтенантские погоны, устроилась на работу в РОВД своего родного города. И погрязла в путине следовательской работы. Нет, она не жалуется, и дела идут у нее неплохо, в звании прошлым летом повысили, а еще на подходе и продвижение в должности. Но мечта стать Шерлоком Холмсом отодвинулась на задний план. Хотя бы потому, что настоящие сыщики занимаются убийствами, а это – подследственность прокуратуры, а не полиции.

Но так уж вышло, что на это убийство в составе следственно-оперативной группы пришлось выехать ей. Только вряд ли это преступление запутанное, головоломное, а потому интересное. Наверняка какая-нибудь бытовуха. Эка невидаль – муж по пьяной лавочке зарезал жену. Сейчас он осознает всю тяжесть своей вины перед самим собой, раскается и как на духу исповедуется перед следователем. А если не признается, то его несложно будет вывести на чистую воду. Достаточно снять отпечатки пальцев с ножа... А если вдруг что-то серьезное, если не удастся раскрыть дело по горячим следам, то им займется следственный комитет, а Инну отставят в сторонку за ненадобностью. Скорее всего, представитель прокуратуры появится уже в ходе работы...

Но вдруг она сможет раскрыть хитроумное дело до его появления? Эта мысль не могла не вдохновлять Инну. Только вот какая здесь может быть головоломка, если старший патрульно-постового наряда уже обнаружил окровавленный нож на месте преступления? Слишком уж просто все, чтобы надеяться на возможные сложности дела. Да и спать после бессонной ночи хотелось. Сейчас бы домой, к родителям, принять горячую ванну... И хорошо, если она сделает это с чувством исполненного долга. Хоть и простое это дело, но лавры достанутся ей.

А вечером за ней мог бы захватить Антон и увезти в ночной клуб. Сегодня суббота, самое время для веселья. Антон ей не очень нравился, и не хотелось бы с ним в постель, но если она заведется, то все возможно. И если она заведется, то виноват в этом будет Антон. Только вряд ли она его за это накажет...

Служебный микроавтобус остановился возле дома из кирпича цвета слоновой кости. Инне нравится такой цвет, если он, конечно, чистый, не испачканный кровью.

Небо тяжелое, темное, но дождь пока не накрапывает. Ветерок подозрительный, такой обычно перед самым дождем бывает. Время – шесть часов сорок две минуты. Из-за туч ощущение такое, что еще не рассвело, хотя сейчас июнь, солнце из-за горизонта начинает освещать землю рано.

Женщина лежала в нескольких метрах от крыльца, в неестественной позе, лицом вверх, в луже крови. Раны не видно, значит, она где-то в спине. Неподалеку в траве лежал окровавленный нож, огороженный красной ленточкой и под присмотром автоматчика. Мало ли, вдруг подозреваемый уничтожит улику...

А подозреваемый находился здесь же. Он обнимал железный столб, поддерживающий козырек над крыльцом. Запястья сведены вместе наручниками, так что шансов сбежать у него нет. Может, и не совсем законно поступили патрульные, но в благоразумии отказать им сложно.

Видно, что мужик сильный. Вроде бы и не очень высокий, плечи не широкие, но даже сейчас, лишенный свободы, он излучал физическую мощь. И флюиды сурового мужского очарования. Не красавец он, черты лица неправильные, нос крупный, к тому же искривленный,

еще его портили глубокие носогубные складки. И все-таки он показался Инне интересным мужчиной.

Инна поймала себя на том, что чересчур уж увлеченно рассматривает мужчину, и поспешила отвести взгляд. В конце концов, она имела полное право интересоваться им, хотя бы потому, что должна была составить его психологический портрет или просто иметь о нем определенное представление. Но почему она так смутилась? Уж не потому ли, что этот тип сам рассматривал ее? Он был ошеломлен, подавлен происходящим, и вряд ли ему сейчас до того, чтобы интересоваться симпатичными женщинами.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! – весело улыбнулся ей капитан Желобков.

Он не просто старший наряда, а заместитель начальника патрульно-постовой службы. Парень он толковый. И молодой. Двадцати пяти лет еще нет, а уже капитан. А там и майорская звезда не за горами. Блат у него хороший, потому карьерный рост ему обеспечен. Глядишь, и начальником полиции общественной безопасности станет. И, скорее всего, эта шапка будет по Сеньке. Вот если бы Желобков был сволочью и бездарем... Но это не так – он вполне достойная личность. К тому же еще и симпатичная. И лицом парень вышел, и фигурой.

– Здравствуй, Саша.

Нравился Инне Желобков как мужчина, только не собиралась она проявлять к нему интерес. Все-таки на службе они, а не на ярмарке с шутами и скоморохами, хочешь не хочешь, а дистанцию надо держать. К тому же ни одной душевной струнки не затронул в ней сегодня капитан. Раньше, случалось, хоть что-то испытывала, а сейчас ничего абсолютно. Может, потому, что все ее внимание переключилось на хозяина дома. Ведь он заинтересовал ее не только как подозреваемый. Инна не хотела этого признавать, но себя не обманешь.

– Я смотрю, ты тут уже отличился, – стараясь не смотреть на задержанного, сказала она.

– Да вот, тепленького взяли... Приехали, а он спит. Труп во дворе, а мужик дрыхнет как ни в чем не бывало. Через забор пришлось лезть...

– А насчет трупа сосед позвонил, так я поняла? – спросила Инна, глянув на окна соседнего дома.

Дом этот поставлен был неправильно, с нарушением строительных норм – слишком близко к забору. Именно поэтому в окно второго этажа хорошо просматривался двор и лежащий на земле труп женщины. И кровь можно было заметить... Правильно сделали соседи, что позвонили.

– Вроде сосед, – кивнул Желобков.

Судмедэксперт занялся трупом, криминалист – обнаруженным ножом. Инна сейчас тоже возьмется за нудную работу – и труп надо будет описать, и обстановку вокруг него, а это такая тягомотина. Но сначала она должна поговорить с подозреваемым. Если он сделает признание, то рутинная работа превратится в необходимую, но все-таки формальность.

Хозяина дома взяли тепленьким. Хоть и приковали наручниками к столбу. Но ведь и одеться ему дали. Майка на нем, шорты.

– Здравствуйте, я следователь органов внутренних дел старший лейтенант юстиции Демичева...

– Инна, может, я тут с ним пообщаюсь? – неожиданно перебил ее Миша Ракитин.

Всю дорогу оперативник спал в машине, и, когда все вышли, он остался там. Инна даже собиралась послать за Мишей, но тот сам проснулся. И сразу же голос подал. Все правильно, он же оперативник, и ему безразлично, кто возглавляет группу – следователь органов внутренних дел или прокуратуры. Ему в любом случае придется обеспечивать оперативную работу по этому делу.

Он молодой, но, что называется, ранний. Во всяком случае, он сам так же считает. Волкодавом себя вообразил, грозой преступного мира. Фактурный он парень – рослый, крепко

сбитый и работу свою знает. Но как бы он ни кичился собой, ничего особенного Инна в нем не видела.

Миша играл плечами, глядя на задержанного. И на ногах он покачивался так, как будто собирался его ударить. Взгляд угрожающий, на губах ухмылка. Похоже, он всерьез надеялся запугать подозреваемого, подавить и расколоть на признание.

Инна ничего не сказала, но очень выразительно посмотрела на Ракитина. И этого вполне хватило, чтобы остудить его пыл.

– Понял, – поворачиваясь к ней спиной, с нарочитой небрежностью сказал Миша.

Он умел изображать из себя крутого, но в душе он все-таки далеко не тот матерый волк, каким хотел казаться. Еще сохранилась в нем юношеская робость, которая и проявлялась в общении со слабым полом. Не очень у него получалось с девушками. Вроде бы и не краснел он перед ними, но и ухарская легкость ему не давалась.

В отделе он появился осенью прошлого года. Из Питера в родной Потоцк перевелся. Первое время всего лишь посматривал на Инну, а на вечеру по случаю Нового года попытался зажать ее в темном углу. С гусарского наскока хотел ее взять, да шашка обломалась и шпоры отвалились. Не знал, бедняга, как она умеет коленкой в пах бить... С тех пор он даже побаивался ее, хотя и не прочь был завести с Инной роман.

– Сходи к соседям, спроси, кто труп там увидел, полицию вызвал, – Инна кивком головы показала на соседний дом.

– Нет там никого, – усмехнулся подозреваемый.

Голос у него не самый густой, но все-таки баритон, вибрирующая хрипотца в нем, приятная на слух.

– Сейчас нет или вообще? – спросила Инна.

Ракитин остановился, прислушиваясь к их разговору, и ей пришлось махнуть ему рукой – дескать, иди, не задерживайся.

– В отпуск они уехали, в Турцию. Позавчера укатили.

Инна посмотрела на соседний дом, что находился через дорогу. В принципе, оттуда тоже можно было увидеть труп. Она присела, и забор закрыл окна второго этажа... Труп можно было увидеть только с чердака, но что там делать в половине шестого утра? Примерно в это время и поступил вызов. Надо было обладать острым зрением, чтобы разобрать, живой человек лежит или мертвый. Тем более пасмурная погода, без бинокля точно не разберешься. Обычно в таких случаях соседям звонят, а не в полицию. Хозяину этого дома должны были позвонить.

Был еще дом слева, но оттуда труп точно не увидишь.

– Ваша фамилия? – Инна включила диктофон.

– Горелов. Никита Тимофеевич Горелов. Семьдесят второго года рождения, если вам это интересно, – усмехнулся он.

– Интересно. Так же, как интересно ваше семейное положение.

– Холост... Это не моя жена, – Горелов вздохнул и кивком показал на труп. – Антонина. Продала мне этот дом... Я не понимаю, что здесь произошло.

От него не тянуло перегаром. Даже сигаретами не пахло. Дыхание, может, и не самое свежее, но здоровое.

– Ну, понять нетрудно. Женщину зарезали ножом, орудие убийства брошено на месте происшествия.

Инна взяла Горелова за руки, осмотрела их. Крупные ладони, мускулистые предплечья с умеренным волосяным покровом, на котором могла остаться кровь даже после небрежного смывания. Но не было ничего подобного у него на руках. И одежда чистая.

– Вы думаете, что это я убил? – с мрачной насмешкой серьезным тоном спросил Горелов.

– А кто?

– Но вы же видите, на мне нет крови.

– Вы могли тщательно вымыть руки...
– Вы посмотрите, сколько там крови. Меня бы всего заляпало...
– Можно переодеться, принять душ, – пожала плечами Инна.
– И лечь спать?
– Всякое в жизни бывает.
– Я бы как минимум полицию вызвал.
– А как максимум?
– Как максимум можно было бы избавиться от трупа. Но я бы на это не пошел... Да и на ноже нет моих отпечатков пальцев.

– Почему вы так думаете?
– Потому что этот нож я никогда в руки не брал. И Антонину не убивал.
– А кто мог это сделать?
– Не знаю.
– Есть еще кто-нибудь в доме?
– Никого.
– Убийство произошло во дворе вашего дома.
– Может быть, кто-то хотел нас ограбить. Я дом этот совсем недавно купил, на днях только свидетельство на собственность получил. Собаку еще не успел завести...
– Разберемся.

Подозреваемый вполне адекватен, алкогольные напитки не употреблял. Взгляд у него ясный, не похоже, что накануне он пребывал в наркотическом опьянении. Хотя, конечно, кровь на экспертизу надо будет взять.

Инна подошла к эксперту-криминалисту и узнала, что на рукояти ножа отпечатков пальцев не обнаружено. Кровь чем-то размазана, видимо, платком, а «пальчиков» нет.

Нож финский, с толстым и широким лезвием из легированной стали. Заводской нож, не какая-нибудь эковская поделка. Такие ножи для охоты покупают. Или для убийства.

Звонок в полицию поступил примерно в половине шестого утра, убийство произошло в районе пяти. Судмедэксперт не мог назвать пока точное время, но уже имелась отправная точка, из которой можно исходить.

Женщина была в теплом халате поверх ночной рубашки, в тапочках на босу ногу. В таком наряде в город не выезжают. Видимо, она просто вышла во двор. Но зачем? Хозяйства при доме не было – корову доить не надо, птицу кормить тоже. Может, просто прогуляться вышла, свежим воздухом подышать? Небо темное, дождь на подходе, но не холодно. И все равно, не самое лучшее время для прогулки.

Может, она убежала от кого-то? От Горелова, например. Но если она бежала, значит, он ее поймал. В этом случае она бы потеряла как минимум одну тапочку. А тапочки у нее аккуратно сидели на ногах. Похоже, она даже не ожидала нападения. Кто-то подкрался сзади, одной рукой зажал рот, чтобы она не кричала и не дергалась, а другой – ударил в спину. Нож вошел в левую почку, перебив артерию. Смерть была почти мгновенной, но женщина успела приподняться на носках и выгнуть спину. В этой позе сейчас коченело ее тело...

Ударить мог Горелов. Но как объяснить тот факт, что после совершения преступления он отправился спать? Какое-то психическое расстройство? Но в невменяемом состоянии он бы не стал стирать с ножа отпечатки своих пальцев. И спать бы не лег, предварительно смыв с себя кровь. Так поступают только в здравом уме. Но тогда бы Горелов не стал бросать оружие убийства рядом с местом преступления.

Ракитин обошел соседей, однако так и не выяснил, кто звонил в полицию. Соседи справа действительно отсутствовали, а те, что жили через дорогу, в половине шестого спали мертвым сном.

Инна вернулась в дом, куда перевели Горелова. Он сидел со скованными впереди руками в кресле. Но сначала она осмотрела ванную, спальню, другие комнаты. Вроде бы не было нигде следов крови, однако еще рано делать выводы. Последнее слово в таких случаях за экспертами.

Горелов смотрел на женщину угрюмо, хотя без отчаяния и паники в глазах. Не радовала его такая ситуация, но головой об стенку он биться не собирался.

– Скажите, Никита Тимофеевич, вы наркотики употребляете? – спросила Инна.

– Когда-то пробовал, но никогда не увлекался.

– А сейчас?

– Сейчас тем более... Если вы думаете, что я убил Антонину в наркотическом угаре, то вы сильно ошибаетесь.

– Но ведь кто-то ее убил.

– Кто-то убил, – кивнул он. – Но не я.

Инна осмотрела кухню, каминный зал – следов пиршества не нашла. Бытовое убийство на почве алкогольного опьянения исключалось. С наркотиками пока не совсем ясно, хотя вряд ли этот фактор можно рассматривать всерьез. Тогда что?

– Давно вы знаете Антонину? – спросила Инна.

– Антонина Викторовна Сухонина, из риелторской фирмы «Ваш дом». Знаю я ее полтора месяца с тех пор, как решил купить здесь дом.

– Она помогала вам приобретать этот дом в собственность?

– Да... Дом, как видите, хороший, претензий к нему нет. Значит, к Антонине тоже...

Поверьте, у меня не было ни малейшего повода убивать ее.

– Значит, ваши деловые отношения переросли в личные? – уточнила Инна.

– Выходит, что так.

– Может, кого-то не устраивали эти ваши личные отношения?

– С моей стороны без вариантов, – кивнул он. – А с ее стороны возможно. Наши отношения не устраивали ее бывшего мужа. Но я не думаю, что это он убил Антонину.

– Почему?

– Никчемная личность. Да и зачем ему ее убивать?... Может, Антонину приняли за кого-то другого?

– За кого?

– Ну, кто-то же жил до меня в этом доме.

– Кто?

– Его зовут Борис, фамилия Разгонов, он живет в Москве. Жену его и детей не видел.

И о его проблемах ничего не знаю...

– А у него проблемы?

– Возможно. Не просто же так он продал дом. Он сказал, что другой дом собирается строить, поближе к Москве, деньги на это нужны. Однако мне показалось, он что-то недоговаривает... Может, действительно какие-то проблемы, я не знаю.

– Думаете, ниточка тянется к старым хозяевам?

– Ниточка тянется ко мне, – мрачно усмехнулся Горелов. – Антонина погибла во дворе моего дома, орудие убийства нашли там же, выходит, что убийца – я...

– Ну, если вы сами так считаете.

– Я так не считаю. Но кому интересно мое мнение?

– Мне интересно.

Инна не кривила душой. Слишком это просто – обвинить в убийстве Горелова, поскольку другие версии казались маловероятными. Она хотела настоящего дела – хитрого, запутанного... К тому же этот мужчина нравился ей и она хотела помочь ему. И как следователь хотела помочь, и даже как женщина...

И все-таки обмануть себя она не позволит. Если все-таки Горелов убил свою сожительницу, она выведет его на чистую воду. Если, конечно, это дело не заберет у нее прокуратура, что вполне возможно.

– Возможно, ведь вы еще молоды, может быть, вам интересно докопаться до истины, – всматриваясь в женщину, сказал Горелов.

Взгляд у него не тяжелый, не жесткий, но сила в нем чувствуется. Вроде бы теплый взгляд, но тогда почему мурашки по коже?..

– А вам это интересно?

– Безусловно.

– Тогда скажите мне, что делала Антонина во дворе вашего дома в районе пяти утра?

– Я бы и сам хотел знать ответ на этот вопрос.

– И все-таки?

– Это я виноват. Надо было дом на сигнализацию поставить, систему видеонаблюдения установить. И усилитель сотового сигнала бы не помешал. Не поставил я усилитель, а сотовый сигнал только во дворе ловится, у самых ворот. Во двор нужно выходить, чтобы позвонить...

– Но при потерпевшей не было телефона.

– Тогда не знаю... Может, убийца забрал мобильник? – раздумывая, спросил Никита.

– Зачем?

– Ну, я не думаю, что Антонину убили из-за телефона. Хотя, возможно, нас собирались ограбить. Возможно, грабители уже собирались взломать дверь, когда она появилась...

– Вы сами в это верите? – не без насмешки спросила Инна.

– Если честно, то нет. Но мне же нужно знать, кто убил Антонину. Кто убил, зачем?..

Если я, то почему ничего не помню?

– А вы могли ее убить?

– Я раздвоением личности не страдаю, – с горькой иронией сказал Горелов.

– А вдруг?

– Исключено. Но если вы собираетесь отработать эту версию, возражать не буду.

– Вы семьдесят второго года рождения, вам тридцать восемь лет. Откуда вы родом?

– Из Новосибирска я. Родителей не знаю, воспитывался в детском доме. Профтехучилище, армия, лихие девяностые...

– Чем вы занимались в эти лихие девяностые?

– Бизнесом. Оптово-розничной торговлей. Дела шли неплохо, сколотил капитал, но возникли проблемы с братвой, пришлось уехать в Новую Зеландию. Знаете, почему эта страна Зеландией называется? – усмехнулся Горелов. – Потому что тоска там зеленая. Хорошо там, но скучно. В общем, вернулся я. Деньги у меня хорошо вложены, доход имею, так что на этот домик хватило...

– Значит, родных у вас здесь нет. И в России вы давно не были.

– Не был. Ни родных у меня здесь нет, ни близких. И связей здесь тоже нет. Старые знакомства я не поднимал, так что никто из моих давних приятелей не знает, что я здесь.

– И бандиты не знают?

– Бандиты? С которыми у меня проблемы были? Так их самих нет. Может, слышали, Паша Рвач такой был, он когда-то на юго-западе Москвы зверствовал. Его в две тысячи первом году застрелили. В сауне. С ним еще трех авторитетов убили...

– Нет, не слышала.

– И хорошо, что не слышали. Это не человек был, а зверь... Ну да ладно, дело прошлое.

– Но ведь прошлое может отозваться в настоящем.

– Ну, Паша меня бы подставлять не стал. Он бы меня просто застрелил, если бы нашел. Но его нет, только кости остались. Если его в крематории не сожгли.

– А вы думаете, вас могли подставить?

– Могли. Только кому это нужно?

– Кому?

– Вещи собрать можно?

– Вещи?

– Ну, вы же не оставите меня здесь? – спросил он без всякой надежды на помилование.

– Не оставлю.

Горелов убил Сухонину или нет, но Инна обязана была задержать его, доставить в отдел и поместить в изолятор временного содержания... Что ж, он прав, ему действительно нужно собрать вещи.

Глава 3

Не думал Никита, что его новая жизнь в России начнется с тюремного заключения. Но так уж вышло. Какая-то мразь убила Антонину...

А может, он сам это сделал?.. Может, не прошло для него даром то, что с девяносто шестого года в нем уживались две личности. Но ведь маньяком он не был. Убийцей – да, но не маньяком...

Так хорошо у него все начало складываться после армии – приехал в Москву, занялся бизнесом, деньги появились, но еще раньше в его жизнь вошла Ася. Красавицей она не была, но это не помешало ему влюбиться в девушку до безумия. Она вышла за него замуж, у Никиты появилась семья. Они уже собирались покупать свою собственную квартиру, когда дорогу им перешли ублюдки, которые пафосно величали себя братвой. Асю сначала изнасиловали, а потом убили. Она тогда была на четвертом месяце беременности... Эти подонки убили его жену и ребенка...

Никита выслеживал и вылавливал их по одному. Он не торопился, и ему понадобился целый год, чтобы свести с ними счеты. В среднем по два месяца на каждую сволочь. И только когда он отомстил, на его руках защелкнулись наручники. Оказывается, за ним следили. ФЭБэшники давно искали способ избавиться от этой банды, следили за ней, а тут вдруг появился неуловимый мститель, который сделал за них всю работу. Только тогда он и стал уловимым.

Из «Матросской Тишины» его перевели в «Лефортово», там он и получил предложение, от которого не смог отказаться...

Никита лежал на шконке, вспоминая прошлое. Темнеет уже за окном, одиннадцатый час вечера. Казалось бы, никто не должен был его беспокоить, но дверь вдруг открылась, и в камеру вошел оперативник Ракитин:

– Руки!

Никита протянул руки, и на них тут же защелкнулись стальные браслеты. Не к таким украшениям он стремился, возвращаясь на родину. Он думал, что его поведут на допрос. И хотя в столь позднее время допрашивать задержанных нельзя, возмущаться Никита не собирался.

Но Ракитин, как оказалось, и не собирался его куда-то конвоировать. Он грузно опустился на шконку напротив. Ноги широко расставлены, руки на коленях, локти разведены. И на Никиту он смотрел испепеляющим взглядом. Крутого он из себя изображал, да только не очень это у него получалось. Вроде и характер у мужика серьезный, и физически он сильный, но есть в нем какая-то слабина. Не каждый сможет ее заметить, но у Никиты глаз наметанный. Может, потому и принял Ракитин для храбрости, потому что на трезвую голову могло не хватить. Одно дело – задержанного в кабинете допрашивать и совсем другое – в камере на него наезжать.

– Что-то не так, начальник? – невесело улыбнулся Никита.

– Сухонину зачем убил? – рыкнул Ракитин.

– Не убивал я.

– Ее у тебя во дворе нашли.

– Я знаю.

– И нож ты выбросил.

– Не выбрасывал я нож.

– Сам упал?

– Не знаю, не ронял.

– Борзый, да?

– Нет. Просто чужую вину на себя брать не хочу.

– Какая чужая вина? – скривился Ракитин. – Ты Сухонину убил. Больше некому. Нажрался и убил.

– А у меня алкоголь в крови нашли?

– Ну, значит, обдолбался.

– Так и содержание наркотиков в крови не обнаружили.

– Ну, насчет наркоты заключения нет...

– И не будет.

– Может, ты псих?

– По этой части тоже экспертиза есть.

– Психом прикинуться хочешь? В психушке отсидеться?.. Я смотрю, ты все продумал!

– Заносит тебя, старлей, – усмехнулся Никита. – Ты на поворотах за перила держись, глядишь, за умного сойдешь.

– Я не понял, Горелов, ты что, нарываешься? – набычился Ракитин.

– Поздно уже, старлей. Завтра приходи. Может, умное что скажешь.

– Я не понял, ты за идиота меня держишь? – взбесился опер.

Он вскочил на ноги и даже замахнулся, но Никита суровым взглядом заставил Ракитина остановиться.

– Остынь, старлей, – спокойно, без вызова сказал Никита. – Дров наломаешь, потом локти кусать будешь...

– Дров ты наломал, – огрызнулся Ракитин.

– Да нет, кто-то за меня это сделал...

– Зря стараешься, Горелов, – ухмыльнулся опер. – Я тебе не девочка, которая в сказки верит.

– Это ты о чем, старлей?

– О ком... Демичева тебе поверила, а я нет... Чем ты ее взял, Горелов? – скривился Ракитин.

– Я ее взял?

– Она же не дура, ее так просто лапшой не загрузишь. А ты загрузил... Не пойму, что она в тебе нашла. Но ты не задуришь ей голову.

– Так я и не пытаюсь!

– Смотри, я тебя предупредил.

Полыхнув взглядом, опер вскочил со шконки, рванул к выходу. Он бы и дверью хлопнул, если бы та закрывалась легко.

– Эй, а наручники? – крикнул Никита.

Но Ракитин его не услышал. Что ж, придется спать с браслетами на руках. Бывало и хуже...

Никита понял, что взбесило Ракитина. Видно, парень неровно дышал к следователю Демичевой. Что ж, его можно было понять. Девушка она интересная. Не сказать что редкой красоты, но милая. Даже когда брови сурово хмурит, все равно милая.

Видно, ничего не получается у Ракитина с ней. Или она такая неприступная, или он робеет в ее присутствии, как юннат перед пионервожатой. Может, потому и ведет она себя с ним как пионервожатая...

Никита тоже оробел перед Асей, когда впервые увидел ее. Но у него не было выбора. Если бы он не подошел к ней тогда, она бы навсегда затерялась в каменных лабиринтах Москвы... Он ведь никого после нее так и не полюбил. И с Антониной не очень-то хотел серьезных отношений. Не хотел, но смирился перед неизбежностью. Сухонина устраивала его по всем статьям, и поэтому он все-таки смог представить себя в роли ее мужа...

Но, может, именно это и напугало его второе, темное «я» и оно взялось за нож?.. Но нет, это не он убил Антонину. Да и незачем ему убивать. Ведь этой ночью Никита еще не знал,

что сегодня утром он встретится с девушкой, которая может перевернуть его представление о будущем.

Переворота пока не произошло, и он все еще думает об Инне как о чем-то далеком и чужом. Но ведь эта девушка похожа на его Асю. Та же походка, тот же голос, та же мимика. И от внешнего сходства никуда не деться.

Никита уже засыпал, когда дверь в камеру снова открылась. Он думал, что это пришел кто-то из ментов – снять с него наручники, но через порог переступил исполинского роста детина с деформированным от природы лицом.

– Ты занял мое место, – глядя на Никиту, хриплым голосом сказал он.

Никита молча поднялся, перекинул свой матрас на соседнюю шконку и лег. И сделал он это без особых усилий – не кряхтел, что называется, не пыжился, – хотя руки у него были скованы.

– Я передумал, – с нахальной насмешкой глядя на него, сказал исполин. – Можешь возвращаться на свое место.

– Могу возвратиться, – кивнул Никита. – А могу и не возвратиться.

– Нарваться можешь.

– Я уже нарвался, мужик. Если б не нарвался, меня бы здесь не было.

– Нарвался, – ухмыльнулся детина. – А можешь еще нарваться по-настоящему.

– Скажи, ты сам по себе такой умный или менты научили?

Никита поднялся со шконки, встал напротив громилы. Тот внутренне напрягся в ожидании атаки. Внешне он был похож на неандертальца, но взгляд у него далек от первобытного человека. Какая-никакая, а осмысленность во взгляде. И тело у него не только от природы мощное, видно, что подкачивал он мышцы, да и в движениях угадывалась бойцовская натренированность.

С таким бугаем на ринге лучше не сталкиваться. В поединке с опытным и могучим бойцом трудно, практически невозможно нанести концентрированный удар, а только так можно было сладить с таким исполином, как этот... Возможно, Никита ошибался, и этот питекантроп – колосс на глиняных ногах, но уж лучше переоценить противника, чем недооценить.

– Менты научили? – набычился громила.

– Ну а чего ты до меня докопался?

– А не нравишься ты мне!

– Ну а нормально ты это мне сказать не можешь?.. Вот у меня против тебя есть аргументы. Во-первых... – Никита поднял руку и загнул мизинец.

Этим он хотел отвлечь внимание от своей правой ноги, в которой уже сконцентрировалась вся ударная мощь.

Громила повелся на эту наживку, и Никита нанес удар – ногой по внешней стороне бедра, чуть выше колена. Этим он выдвинул первый аргумент. Ощущение было таким, как будто он ударил по толстому дубовому бревну. Нет, не переоценил он противника. Но ведь именно поэтому и удар был в полную силу. А бревна тоже ломаются...

Громила просел в колене, однако тут же попытался восстановить равновесие. Только кто ж позволит ему развернуться на позиции?.. Никита повторил тот же удар, и противник опустился на колени. Второй аргумент тоже подействовал. Ну и третий не заставил себя ждать. Шея у исполина могучая, тренированная, но Никита все-таки смог взять его на удушающий прием. И это при том, что запястья стягивали наручники.

Детина пытался вырваться из захвата, хрипел, рычал, пускал пузыри, но Никита его удерживал.

– Ну что, умирать будем? Или поговорим? – спросил Никита, когда противник затих в преддверии скорого конца.

Громила ничего не сказал, но красноречиво шлепнул раскрытой ладонью по грязному полу. Все, сдается.

– Смотри, я человек мирный, но убить могу.

И снова могучая ладонь взбила пыль на полу. Таким образом громила уверял Никиту, что не будет брать реванш. Только тогда он и получил глоток драгоценного воздуха. На Никиту при этом смотрел зло, но со смирением. Именно так только что объезженный мустанг может смотреть на своего покорителя.

– Как зовут? – спросил Никита.

– Артур.

– Чего ж ты такой быкованный, Артур?

– Да мудака одного поломал, по ходу.

– Менты за хулиганку закрыть хотели?

– Да, – обескураженный Артур закрыл глаза.

– Но с ментами договориться можно, да?

– Можно.

– И что ты должен был со мной сделать? Только честно?

– Сначала поломать, а потом поговорить.

– Кто Антонину мою убил, да?

– Типа того.

– Да нет, не того типа ко мне заслали, – ухмыльнулся Никита. – Не того... Я так понимаю, ты не из блатных?

– Я сам по себе...

– Чем по жизни занимаешься?

– Работаю.

– Где?

– На машине. В смысле, на машиностроительном.

– Кем?

– Сварщиком.

– Платят как?

– Ну, под стошку выходит.

– Сто тысяч?! В месяц?!

– Да.

– Это же? Три тысячи баксов?

– Даже больше.

– Неплохо рабочий класс живет.

– Так у меня шестой разряд, я такие швы делаю, которые никто не может...

– Значит, талант у тебя?

– Не то чтобы талант... – потупился Артур.

– Талант. И жаль, что такой талант в тюрьме пропасть может... Хотя нет, можешь сказать ментам, что разговорил меня. Не убивал я женщину, так им и скажи.

– А в реале как?

– Да и в реале так. Хочешь, зуб дам? А хочешь, всю челюсть?.. Не убивал я Антонину, не убивал, – обращаясь к самому себе, сказал Никита.

– Может быть, из кентов кто?

– Нет у меня кентов, Артур. Никого я в вашем Потоцке не знаю.

– Значит, неместный.

– Как бы уже местный. Дом в Горчихе купил. А прописку здесь, на нарах получил, – мрачно усмехнулся Никита. – Такой вот укроп с редиской.

– В Горчихе дом?

– В Горчихе. А что такое?

Что-то вспыхнуло в глазах у Артура, и Никита это заметил.

– Да нет, ничего... Мы с женой участок там хотели купить, риелторша нас туда возила.

– И все? – заинтригованно спросил Никита.

Возможно, разговор шел об Антонине, ведь она в своей риелторской конторе работала по Горчихе.

– И все.

– А глаза чего замаслились?

– У кого глаза замаслились? У меня? – смущенно улыбнулся парень.

– Ну не у меня же...

– Ну, баба зачётная, ух! В теле вся такая, грудь как арбузы, ну килограммов по семь-восемь которые...

Грудь Антонины не была маленькой, но на целый пуд в общей сложности не тянула. Значит, разговор шел о какой-то другой женщине.

– А звали ее как?

– Надя ее звали... Я ж чуть жену из-за нее не бросил! – разоткровенничался Артур.

Похоже, у него и в мыслях не было отыгрываться за поражение.

– Да ну!

– Ну да, закрутились мы с этой Надей!

– И как арбузы, спелые?

– В самом соку! – расплылся в улыбке исполин.

– А мне другая риелторша дом продавала.

– Антонина?

– Ты ее знаешь?

– Слышал... И мужа ее знаю.

– Ну, так и с Антониной бы закрутил, – бросил наживку Никита.

В лоб спрашивать про Митю он не решился. Артур мог и язык прикусить, уловив его интерес к этой персоне. Одно дело – об этом типе трепаться и совсем другое – информацию выкладывать. Может, у парня понятия.

– Да нет, она от мужа не гуляла, – покачал головой парень.

– Чего так?

– Митяй ведь и убить мог.

– Тебя?!

– Да нет, ее... Он же безбашенный... Ну, и меня мог бы, в принципе... Ножом в спину, и все дела...

– А он мог ножом?

– Почему мог? Он и сейчас может.

– Что, такой крутой?

– Да, слава у него нехорошая... Он раньше с Мореманом тусовал.

– И что?

– Как что? Мореман в законе, он весь Потоцк держал.

– А сейчас?

– От передоза склеился. А может, помогли...

– Понятно. Значит, муж у Антонины тоже блатной?

– В принципе, да. Он срок мотал...

– А ты?

– Я нет, – мотнул головой Артур.

– Все еще впереди.

– Да нет, отмажусь как-нибудь. На лапу, если что, дам.

– А возьмут?

– Здесь с этим строго, могут за гланды взять. Тут нужно знать, к кому обратиться.

– А ты знаешь?

– Есть один человек...

– Может, подскажешь?

– Тебе зачем? У тебя мокрая статья, тебя так просто не отмажут.

– А не просто?

– А не просто – это очень большие деньги. И не факт, что выпустят. Несколько скинут, и весь разговор... А ты что, на лапу дать хочешь?

– Если к стенке прижмут, то надо как-то выкарабкаться... Значит, муж Антонины срок мотал?

– А тебе-то что?

– Тебе же сказали, кого на меня вешают. Убийство той самой Антонины. Якобы у себя дома. Ножом в спину...

– У тебя дома? – спросил Артур, оторопело глядя на Никиту.

– Ну да... Она со мной жила. Как думаешь, Митяй мог ей отомстить?

– Мог... Я же говорю, он безбашенный... Ножом в спину?

– В спину. Ножом.

Никита видел, как лежала Антонина, и мог представить, как убийца ударил ее ножом. Он подкрался к ней со спины и, чтобы она не кричала, закрыл ей рукой рот. Только после этого и нанес удар. В левую почку, хотя разумней в его положении было бить в правую. Но может, он был левшой. Если так, то все логично...

Глава 4

Мужчина стоял у двери, упираясь в нее лбом, а пальцем давил на клавишу звонка, даже не глядя на него. Звонил настырно. Ему не открывали, а он звонил, звонил...

– Я сейчас полицию вызову! – донесся из-за двери возглас.

Но мужчина ничего не сказал, и голову от двери не оторвал. И пальцем продолжал давить на красную клавишу. Инна стояла у него за спиной, но он даже не обращал на нее внимания.

– Мужчина, вам плохо? – спросила она.

Какое-то время он стоял неподвижно, но вдруг резко обернулся к Инне и уставился на нее. Ей стало не по себе от той злобы, которая бушевала в его глазах.

– Ты кто такая? – сильным прокуренным голосом спросил он.

Инна поморщилась от того, что в нос ударил запах перегара, смешанного с табачной вонью.

– Старший лейтенант юстиции Демичева, следственный отдел Потоцкого РОВД.

Это подействовало – мужчина присмирел. Хотя и не совсем.

– Удостоверение покажи! – без агрессии, но все-таки грубо потребовал он.

– А на каком, извините, основании? – удивленно повела бровью Инна.

– Ну, вы же к моей теще пришли... Слышь, теща, к тебе из полиции пришли! – рявкнул он и стукнул кулаком по двери.

– Что-то вы не очень вежливы с тещей, – заметила она.

– А кто виноват в том, что мою Антонину зарезали? – скривился мужчина.

– Ах, так, значит, вы бывший муж покойной Антонины Сухониной, я правильно понимаю?

– Не совсем. Я не бывший муж, а настоящий... – казалось, он вот-вот пустит слезу. – Это для нее я был бывшим мужем!

Мужчина зло ударил кулаком в дверь, но та вдруг открылась, и он едва не потерял равновесие. Однако удержался на ногах, а женщина, открывшая дверь, испуганно отшатнулась.

– Это вы? – спросила она, заплаканными глазами глянув на Инну.

Мать покойной Антонины Сухониной была высокой, дородной женщиной лет шестидесяти. Волосы седые, а платок черный – такой вот траурный контраст.

Инне приходилось общаться с ней вчера. И сегодня она пришла к ней, чтобы поговорить о ее бывшем зяте, но тот сам пожаловал к теще.

– Да, хотелось бы задать вам несколько вопросов...

Сегодня у нее выходной, но что-то не сидится дома. Да и дело уже завтра могут у нее забрать, поэтому нужно спешить. Вдруг она сможет раскрыть убийство Сухониной уже сегодня?

– И не вам одной, – горько усмехнулась женщина, глянув на своего бывшего и ненавистного ей зятя.

– Ладно, пойду я!

Мужчина повернулся к Инне спиной и направился к лифту.

– Дмитрий Васильевич, куда вы? У меня к вам есть вопросы.

– Да? Ну, поехали... – не оборачиваясь, махнул он рукой.

Инна в замешательстве глянула на женщину. Ирина Семеновна от нее никуда не денется, но так ведь и ехать с этим типом ей никуда не хотелось. Чего уж греха таить, страшно стало.

– Не надо с ним никуда ехать! – предостерегающе мотнула головой женщина.

– Дмитрий Васильевич, остановитесь! Мне нужно с вами поговорить!

– Вызывай повесткой, юстиция! – Сухонин зашел в кабинку лифта и оттуда, не выглядывая, помахал ей рукой.

Повестка – это время, а ей надо было спешить. Инна собралась с духом и последовала за мужчиной. Лифт плавно тронулся, но Сухонин изобразил, что его потрянуло и бросило на Инну. Он навалился на нее, прижав к стене.

– Пардон!

Ее чуть не стошнило от исходившего от него запаха. Может, отвращение и привело в действие защитный механизм. Нога как будто сама по себе оторвалась от пола, и коленка нашла цель.

Инна всерьез готовила себя к службе в полиции. До института занималась тхэквондо, а во время учебы освоила приемы из боевого самбо. Потому и удар оказался сильным и точным. Ей показалось, что ударила она сильно. Только сам Сухонин даже не пискнул. И отстранился он с таким видом, как будто ничего не случилось. Лишь усмехнулся – дескать, не больно ему...

Лифт остановился, и Сухонина снова как бы потрянуло. И движение он сделал, чтобы навалиться на Инну. Но не навалился, а только, пугая, дернулся. И еще угрожающе крикнул, сделав страшные глаза. После чего рассмеялся.

– Не смешно! – зло глянула на него Инна.

– Ну, кому как... Ладно, барышня, расслабьтесь! На самом деле я самый безобидный человек на свете.

Он подвел ее к «Икс-пятому» «БМВ», снял машину с сигнализации, даже открыл для Инны правую переднюю дверь. Выглядел он неважно – лохматый, небритый, неряшливый, ветровка застиранная, рубашка несвежая, джинсы затертые чуть ли не до дыр. Но машина престижная, дорогая и еще не старая.

– Нет, лучше ко мне, – покачала она головой, взглядом показав на свою «Хонду».

У нее тоже внедорожник. Машина не новая, но претензий к ней никаких. Однако Сухонин отрицательно покачал головой.

– Или вы ко мне, или я уезжаю, – поставил он ее перед выбором.

Инне пришлось выбрать второе.

– Ваша машина? – спросила она, когда Сухонин сел за руль.

– Нравится? – ухмыльнулся он. – Сейчас покатаю!

– Не надо меня катать!

Она вырвала у мужчины ключ, который он поднес к замку зажигания.

– Это ограбление! – засмеялся он.

– Звоните в полицию! – съязвила она.

– И позвоню!..

– Лучше сразу в ГИБДД. А потом сразу на освидетельствование. Сколько у вас там промилле в крови?

– Ноль целых ноль десятых... А если серьезно, сейчас мы поедem ко мне. Вы же пришли к моей теще в гости. И ко мне можете прийти... Не бойтесь, не обижу.

– А почему я должна бояться?

– Ну, у меня же судимость. И вы это знаете.

– Знаю, – не стала кривить душой Инна.

Она не собиралась никуда ехать и ключи не отдавала. Но Сухонин достал из кармана дубликат и завел машину.

– Справки обо мне наводили?

– Наводила.

Машина плавно тронулась с места, и ей стало не по себе. Этот мерзкий тип внушал не только отвращение, но и страх.

– Я ведь за ограбление срок мотал...

– За вооруженное ограбление, – уточнила Инна.

– Точно, семь лет как с куста... Думаете, это я убил свою жену?

- А вы могли ее убить?
- Убить мог, – нахмурился Сухонин. – Но не Антонину. Я бы того козла убил, с которым она жила... Где он, в изоляторе?
- Не важно.
- Значит, там... Вы уж ему по всей строгости закона, пожалуйста!
- За что?
- Как за что? А разве не он мою Антонину убил?
- Пока не знаю...
- А меня вы зря подозреваете. Я не при делах. У меня бизнес, я от криминала давно уже отошел. И Антонину очень любил... Не мог я ее убить... Это все козел этот, он ее убил... Как его фамилия?
- Не важно.
- Жаль, я не при делах, а то бы я его, падлу, на тюрьме достал!
- Дмитрий Васильевич, где вы находились пятого июня с четырех до шести часов утра?
- Дома был.
- С кем?
- Ну не с бабой же... Я Тоньку любил! – Сухонин вдруг ударил себя кулаком в грудь. – Мне больше никто не нужен!
- Кто может подтвердить, что вы находились дома?
- Витька. Он ко мне в четыре утра заявился, рыбак хренов.
- Рыбак?
- Ну, дом у меня у самой речки, запруда там, карпы водятся. Если есть желание, можно удочки забросить... Или вы уже? – ухмыльнулся Сухонин.
- Что «уже»? – в ожидании непотребного подвоха нахмурилась Инна.
- В мою прорубь удочку закинули? Только не поймаете вы там ничего. Не убивал я Антонину!
- А могу я поговорить с этим Витькой?
- Легко!
- Сухонин взял телефон, набрал номер:
- Витек, ты дома?... Никуда не уезжай, я сейчас подъеду, разговор есть.
- Виктор Верютин жил в крупнопанельном доме на южной окраине города. Это был мужчина лет тридцати пяти, такой же неказистый и запущенный, как и Сухонин, и перегаром от него разило за версту. Но если из Сухонина жизненная энергия была ключом и был он уверен в своих силах, тот это был полной его противоположностью – жалкий, забитый, робкий.
- Верютин подтвердил то, что сказал Сухонин, но Инна не поверила ему. Слишком уж большое влияние имел на него Сухонин, чтобы поверить. Она записала его адрес, номер телефона, чтобы поговорить с ним позже и наедине. Может, он сознается в сговоре с дружкой, если того не будет рядом.
- Ну что, убедились? – спросил Сухонин, открывая для Инны дверь в свою машину.
- Убедилась, – кивнула она.
- Но в машину не села. Не было у нее ни малейшего желания ехать к Сухонину. Да и смысла в этом не было. Если этот тип смог подбить на ложные показания своего дружка, то и в доме у него чисто. Да и как Инна могла найти запачканную кровью одежду, если у нее ни постановления на обыск нет, ни прикрытия.
- Тогда какие вопросы?
- Скажите, а почему вы обвиняете в убийстве Антонины свою тещу?
- Так это ж она ее к тому хмырю толкала. Я, типа, плохой муж, а он хороший. Как будто у меня дома нет и машины... Будто моя дочка ему не чужая...
- Юля?

– Другой у меня нет... Вот скажите, барышня, нужна была этому козлу моя дочь? Нет, не нужна. А мне нужна!.. Вот и кого моя теща хотела счастливым сделать? Козла ей подавай! А нормальный мужик пусть проваливает, да?

– Нормальный мужик – это вы?

– А что, нет? – набычился Сухонин.

– Я не психолог, чтобы давать оценки, – уклонилась от ответа Инна.

Уж если сравнивать Сухонина с Гореловым, то первый со вторым и рядом не стоит. Горелов – мужик, а этот – какое-то злое недоразумение.

– И вообще мне пора.

Инна записала номер телефона Сухонина, его адрес и направилась к автобусной остановке. Там она поймала такси и отправилась к дому номер восемь по улице Фадеева. И машину ей надо было забрать, и еще хотелось поговорить с Ириной Семеновной.

Мать Антонины открыла ей дверь по первому звонку, как будто ждала ее.

– Вы одна? – встревоженно спросила женщина, быстрым взглядом обозрев пространство за спиной Инны.

– Одна... Я так понимаю, вы не хотите видеть своего зятя.

– Бывшего зятя, будь он неладен, – закрывая дверь, проговорила Ирина Семеновна.

– Чем он вам не угодил?

– А вы сами как думаете?

К женщине подошла девочка лет одиннадцати, взяла ее за руку и, прижавшись к ней, молча уставилась на Инну. Она не плакала, но глаза красные от слез.

– Здравствуй, Юля.

Антонина Сухонина была симпатичной женщиной, а ее дочь, увы, больше похожа была на отца, чем на мать, потому внешними данными не блистала. Несимпатичная, мягко говоря, нескладная, но ведь ее вины здесь нет... Инна погладила девочку по голове, и та грустно улыбнулась ей.

– Чай, кофе? – спросила Ирина Семеновна.

Не дожидаясь ответа, она повела гостью на кухню. А внучку отправила в свою комнату, как будто знала, что разговор пойдет о ней.

– Зачем сегодня к вам приходил зять? – спросила Инна, усаживаясь на стул.

– Дочку забрать хотел.

– А раньше почему не забирал?

– Антонина не разрешала. Суд Юлю с ней оставил, но теперь Антонины нет... – женщина приложил палец к правому глазу, чтобы остановить слезу. – Теперь он может девочку забрать...

– Он угрожал Антонине?

– И угрожал, и ревновал... – Ирина Семеновна закрыла кухонную дверь. – Мне кажется, что это он убил Тоню.

– Кажется или у вас есть основания так считать?

– Ну а кто еще ее мог убить?

– В убийстве вашей дочери подозревается Никита Горелов.

– А зачем ему Антонину убивать?.. Он мужчина положительный, непьющий, не то что этот... прости господи!

– Вы с ним знакомы?

– Нет, но Антонина о нем рассказывала.

– Насколько серьезные были у них отношения?

– Замуж она за него собиралась...

– Он звал ее замуж?

У Инны вдруг пересохло во рту. И поданный кофе оказался как нельзя кстати. Горячий он, но Ирина Семеновна поставила перед ней сметанницу со сгущенным молоком.

– Не то чтобы звал, но и не отказывался от возможности жениться...

Инна размешала сгущенку, сделала несколько глотков, чтобы смочить пересохшее горло. Но сухость все равно осталась. И в душе почему-то волнение... Уж не ревнует ли она Никиту Горелову к покойнице? Но ведь это же глупо.

– Антонина жила с Гореловым?

– Да, жила. И была счастлива. А счастье дочери, вы должны понимать, для меня дороже всего.

– Это я понимаю... Ваш бывший зять знал, с кем живет ваша дочь?

– Знал. Он все про нее знал. Проходу ей не давал. Говорил, что очень сильно жалеть будет, если не одумается...

– Антонина давно с ним в разводе?

– Официально – два года, а неофициально – три... Он дом построил, к себе звал, а она ни в какую. Не нужно, говорит, ничего...

– Машина у него дорогая, дом построил. Чем он занимается?

– А разве он вам не рассказывал?

– В общих чертах. Бизнесом, мол, занимается. А каким именно, не объяснил.

– Там у них автосервис, машины ремонтируют. Всякие машины, – понизила голос женщина.

– Что значит «всякие»?

– Ну, и угнанные в том числе, – Ирина Семеновна суетливо оглянулась, как будто в кухне мог находиться кто-то посторонний.

– Вы в этом уверены?

– Нет, но мне кажется... Понимаете, не может он честным бизнесом заниматься. Не тот человек... Банда у них там!

– Банда?

– Ну а как еще называть, если он весь автобизнес в городе держит? Если хочешь автомастерскую открыть, у них разрешение спрашивать надо. Без разрешения работать не дадут. А разрешение денег стоит... Только я вам ничего не говорила! – спохватилась женщина.

– Я вас понимаю, Ирина Семеновна, и про вас ничего не скажу.

– Вам вообще в это дело лезть не надо... Хотя если вы Митьку подозреваете, то правильно делаете. Но пусть им занимаются мужчины, а вам лучше в сторонке постоять. С Митькой опасно дело иметь, он ведь и убить может...

– Есть примеры?

– Я же говорю, банда у них...

– А Виктор Верютин тоже в этой банде состоит?

– Не знаю такого... Я этих гадов ползучих знать не обязана... Антонина, может, знала...

Ну зачем она с этим скотом связалась? Говорила же, не доведет он тебя до добра! – запричитала Ирина Семеновна.

Инна поняла, что ей пора уходить.

Глава 5

Понедельник – день тяжелый, особенно если похмелье мучает. Инна не употребляла, чего не скажешь про ее начальника. Майор Драпов благоухал одеколоном и мускатным орехом, и выбрит он гладко, и форма отглажена от и до, но Инну не проведешь. Болит у него голова, и в сон клонит. Однако работу вперед надо двигать, а то ведь она и остановиться может.

– Что там у тебя с убийством... э-э... – Драпов заглянул в своей еженедельник, – с убийством Сухониной?

– Так это не наша подследственность. Прокуратура должна это дело забрать.

– Да, но ты же работаешь по этому делу?

– Работаю, – согласилась Инна. – Дело возбуждено, подозреваемый задержан.

– Только вот не колется твой подозреваемый, – вздохнул майор.

– А если признаваться не в чем?

– Как это не в чем? Труп у него во дворе дома нашли, орудие убийства там же лежало.

– Отпечатков пальцев на ноже нет.

– Значит, в перчатках был...

– А где перчатки?

– Выбросил.

– А нож почему не выбросил?

– В жизни всякое бывает...

– Еще в жизни бывает, что бывший муж убивает свою бывшую жену.

– Это ты о чем, Демичева?

Инна рассказала все, что накануне узнала о Дмитрие Сухонине. Сначала информацию о нем выложила, а потом и своими соображениями поделилась.

– Ну вот, а говоришь, что прокуратура должна заниматься, – постукивая карандашом по столу, озадаченно проговорил Драпов.

– Да, но пока не занялась...

– И какие у тебя на этот счет соображения?

– Думаю, Сухонину дочь нужна. Он теперь ее к себе домой забрать может. Именно вчера он и пытался это сделать.

– Ну, узнал о том, что погибла жена, пошел за дочерью, что здесь такого?

– Вчера вечером я разговаривала с Верютиным. Без Сухонина разговаривала. Врет Верютин, путается... Давайте его в отдел доставим, сами поймете, что нет у Сухонина алиби...

– Так его никто и не подозревает.

– Я подозреваю.

– На каком основании?

– На основании личных наблюдений – раз. На основании показаний матери Антонины Сухониной – два. И Горелов утверждает, что Дмитрий Сухонин возражал против их с Антониной отношений. Правда, он считает Дмитрия Сухонина настолько ничтожной личностью, что не подозревает его в убийстве. Личность он действительно ничтожная, но при этом очень опасная. Сухонин семь лет за вооруженное ограбление отсидел. И убить он мог...

– Это все слова, а где доказательства?

– А где доказательства против Горелова? У него даже мотивов для убийства нет.

– По пьяному делу всякое бывает.

– Не было никакого пьяного дела. Ни алкоголя, ни наркотиков, экспертиза это подтверждает.

– А если он псих по жизни!

– Подставили его, Андрей Вадимович.

– Это он тебе сказал? – хмыкнул Драпов.

– Нет, я сама так думаю... Вы сами представьте себе такую ситуацию. Совершенно трезвый человек убивает свою сожительницу, стирает отпечатки пальцев с ножа, который тут же бросает рядом с трупом, затем идет в дом, принимает душ и как ни в чем не бывало ложится спать. Вы можете себе такое представить?

– Могу.

– А я нет... Сухонину убили в пять утра, а в половине шестого на пульт оперативного дежурного поступил звонок. Кто позвонил в полицию? Сосед. Начинаем разбираться, а из соседей никто не звонил. Как это объяснить?

– Может, сам Сухонин и позвонил?

– Нет, не он. Не с его телефона звонок сделан. А с мобильного покойной Сухониной, – выложила козырь Инна.

– Хочешь сказать, что она сама позвонила?

– Да нет, не хочу... Это убийца в полицию позвонил. Забрал у покойной телефон и позвонил.

– У нее был телефон?

– Да, она позвонить во двор выходила.

– В пять утра?

– Ну, вы же сами говорите, что в жизни всякое бывает...

– А Горелов не мог позвонить с телефона покойной?

– Мог. Но телефона при обыске мы не обнаружили.

– Значит, плохо искали.

– Зато нож нашли, – усмехнулась Инна. – Причем подозрительно легко, вы так не считаете?

– Я думаю, что ты выгораживаешь Горелова, – с недовольным видом покачал головой Драпов.

– Зачем это мне? – возмутилась Инна.

– Не знаю, тебе видней...

– У нас есть запись сообщения, поступившего с мобильного Сухониной на пульт дежурного. Там не Горелова голос.

– А чей? Сухонина?

– Голос был искусственно изменен, поэтому все возможно.

– Так, может, Горелов его и изменил?

– Экспертиза покажет. Можно отправить запись на фоноскопическую экспертизу.

– У тебя есть запись голоса Сухонина?

– Да, конечно. Разговор с ним записан на диктофон...

– Это хорошо, Демичева, – заметно нервничая, произнес Драпов. – Это хорошо, что ты знаешь работу...

– А что плохо? – спросила Инна, с подозрением глянув на него.

– Да то и плохо, что жалоба поступила.

– Кому, от кого?

– Хороший вопрос, Демичева. Зришь в корень, что называется. Только я не могу тебе сказать кому, права не имею. И от кого, не скажу, потому что не знаю. Хотя, может, и догадываюсь. А жалоба эта породила просьбу. Нас убедительно просят оставить в покое... Угадай кого?

– Сухонина?

Драпов кивнул, подтверждая правильность догадки подчиненной.

– Такая вот ситуация, Инна, кто-то не хочет, чтобы мы лезли в это дело. И этот кто-то человек, которого мы, увы, не можем проигнорировать... Нет, если у тебя на Сухонина

появятся неопровержимые улики, тогда другое дело, возьмем гада и накажем по всей строгости закона. Но ведь улик нет, поэтому его лучше оставить в покое. Ты меня понимаешь, Инна?

– Понимаю.

Закон един для всех – так в принципе оно и есть. Только вот правосудие избирательное. Все люди равны, но некоторые равнее. И такое положение вещей существовало независимо от того, соглашаешься ты с этим или нет. Инна могла упереться и надавить на Сухонина, невзирая ни на какие запреты, и его даже могли посадить и осудить, если найдутся достаточные для этого основания. Но поймет ли ее начальство? Все зависит от того, насколько начальство зависит от человека, который покровительствует Сухонину. Если начальство пострадает, то от нее мокрое место останется...

– И что скажешь? – пытливо посмотрел на Демичеву Драпов.

– Ну, эти делом прокуратура должна заниматься, – пожала плечами Инна. – Пусть она и занимается.

– Это дело у нас останется. И в прокуратуру не пойдет. Есть соответствующая договоренность.

– И насколько серьезная эта договоренность?

– Настолько серьезная, что против течения лучше не плыть ни тебе, ни мне.

Могущественных людей в городе и области хватает, однако бояться следует не всех. Но есть очень серьезные люди, против которых не может пойти даже Сафролов, начальник Потоцкого РОВД. Возможно, эти люди обладают возможностью воздействовать и на прокуратуру – а как иначе объяснить, что убийство Сухониной осталось у Инны?.. А может, как раз наоборот, прокуратура как раз-то и независима от этих беззаконных покровителей, потому Драпову пришлось уговаривать своих коллег не забирать дело...

Но в любом случае с этими людьми лучше не связываться. Инна это понимала, однако при этом не могла найти объяснение тому, почему кто-то из сильных мира сего решил заступиться за Сухонина. Ведь в таком деле мало личного знакомства или даже привязанности. Тут нужна серьезная родственная связь или деловая зависимость. Интересно, кому и какие услуги оказывает Сухонин, если за него заступились на столь высоком уровне, что сам Драпов выбросил белый флаг...

– И Сафролов так думает?

– А ты думаешь, это мне нужно?

Инна вздохнула. Сафролов еще тот жук, у него и самого были в городе интересы, к которым мог иметь отношение такой ублюдок, как Сухонин. Возможно, начальник РОВД получал что-то с автобизнеса, который держала под контролем банда Сухонина...

– Хочешь, я тебя к Сафролову отведу, он сам тебе скажет? – спросил Драпов. И, не давая Инне опомниться, продолжил: – Только он тогда спросит, как ты попала на свою должность.

Инна закусила губу... Да, она хотела честно бороться с преступностью и устраивалась на службу не для того, чтобы греться на взятках. Только ее родителям самим пришлось давать на лапу, чтобы ее взяли в следственный отдел РОВД. У отца свой строительный бизнес, он мог себе позволить столь щедрый жест ради дочери.

– Не надо ничего спрашивать, – покачала она головой.

– Вот и хорошо, – покровительственно улыбнулся Драпов.

– Если дело остается у меня, то я бы отправила запись с голосом Сухонина на фонетическую экспертизу.

Драпов поморщился:

– Сухонин это или нет – пусть разбирается экспертиза. Отправляй запись на исследование, пусть все будет по закону. Только вот, прошу тебя, не делай поспешных выводов... Ну, позвонил Сухонин с телефона своей бывшей жены, и что? Может, они встречались накануне и у него остался ее телефон. Может, она позвонила ему, сказала, что ее убивают...

- Кто?
- Горелов, кто ж еще?
- Горелов небедный человек. Он может нанять дорогого адвоката, из Москвы. А в Москве могут возникнуть вопросы. Почему мы выгораживаем Сухонина, а топим Горелова? Тогда это дело прокуратура заберет...
- Да, такое возможно, – заметно занервничал Драпов.
- Ясно же, что Горелова банально подставили. И мотива у него нет. А у Сухонина имеется. Драпов думал напряженно, но недолго.
- Может, и подставили... Что ж, раз так, то будем искать человека, который его подставил?
- Кого?
- Не знаю. Но Сухонина не трогай... Гм... и от фонетической экспертизы пока лучше воздержаться...
- А с Гореловым что делать?
- Ну, «пальчиков» его на ноже нет, следов на одежде тоже, свидетели отсутствуют... Давай так, под подозрением его оставим, а содержание под стражей применять не будем. Под подписку его выпустим, только про Сухонина ему ничего не говори. Ты меня понимаешь?
- Понимаю, – Инна опустила голову.
- Не хотела она склоняться под тяжестью обстоятельств, но как быть, если жизнь не прогибается под нее?..

* * *

Никита ждал, когда ему предъявят обвинение, и собирался бороться в суде за изменение меры пресечения. Но вдруг выяснилось, что суд не нужен. Следователь Демичева взяла с него подписку о невыезде, и на этом разговор мог закончиться. А ведь у нее было что ему сказать. И сообщить она могла ему что-то важное, интересное, может, потому и прятала глаза. Да и Никита мог поделиться своими соображениями.

- Все, вы свободны, гражданин Горелов. Вещи заберете в дежурной части.
- Все так просто?
- Нет, не просто. Просто – это если бы дело закрыли, а вы по-прежнему подозреваетесь в убийстве гражданки Сухониной, – Демичева смотрела в окно. А до этого рассматривала цветок у него за спиной.
- Она готова была смотреть куда угодно, лишь бы не на него. Ей было стыдно. И это не стыдливость девушки, которая хочет, но боится навязать свою компанию малознакомому мужчине.
- Но вам не хватает улики, чтобы поставить меня к стенке, – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал Никита.
- Не хватает.
- А может, у вас появился другой подозреваемый?
- Все, вы свободны, гражданин Горелов. Не смею вас задерживать.
- Вы обыскивали мой дом. Но я не видел, чтобы вы осматривали двор. Я имею в виду задний двор, тот, который за домом. Возможно, преступник находился там, поджидая Антонину...
- И что вы хотите этим сказать? – наконец-то Демичева удостоила его взглядом. Она попыталась изобразить усталость, но он-то увидел в ее глазах живой интерес.
- Возможно, он оставил там какие-то следы.
- Да, мы нашли несколько окурков.
- Я не курю.

- Я знаю. Но так и окурки уже старые...
- А забор осматривали? Не на крыльях же убийца залетел?
- Не на крыльях. Но следов на заборе мы не обнаружили.
- Может, плохо смотрели?

Демичева пожала плечами. Скорее всего, забор даже не осматривали, потому что убийцу искали среди тех, кто находился в доме.

- А свидетелей опрашивали? Возможно, кто-то из соседей видел постороннего?
- Ну, тех, кто рядом жил, опросили... – неуверенно сказала она.
- Ничего, если я сам этим займусь? Мне же можно выходить из дома? – улыбнулся

Никита.

– Из дома выходить можно. Препятствовать ходу следствия нельзя. Иначе нам придется вернуть вас под стражу.

- А как я узнаю, где я препятствую, а где помогаю?
- Не надо помогать. Ничего делать не надо, – покачала головой следователь. – И если у вас есть какие-то подозрения, оставьте их при себе.
- Подозрения насчет кого?
- Ну, мало ли... – Демичева отвела глаза в сторону.
- А у меня есть подозрения.
- И кого вы подозреваете? – Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы посмотреть

Никите в глаза.

- Бывшего мужа Антонины.
- У него алиби.
- Значит, вы и его подозреваете?
- Я же сказала, у него алиби, – Демичева снова посмотрела в окно.
- Алиби может быть липовым.
- Не надо... – начала она, но запнулась и замолчала.
- Что не надо?
- Не надо лезть в это дело. И Сухонина искать не следует, и алиби его проверять не стоит.
- Почему?
- Если вы хотите, чтобы вам изменили меру пресечения, то пожалуйста. Ничего вы не добьетесь, а под стражей окажетесь... Все, вы свободны, гражданин Горелов!

Демичева всем своим видом давала понять, что не желает с ним говорить. Дескать, она все сказала, и если ему не нужны проблемы, он должен ее слушаться. И прежде всего Горелов должен отправиться домой... Что ж, он тому только рад.

Домой Никита отправился на такси. Сначала надо будет привести себя в порядок, а затем отправиться на поиски Сухонина. Нельзя его трогать, но ведь запреты для того и существуют, чтобы их нарушать.

Во дворе в глаза бросился меловой силуэт, оставшийся на том месте, где лежал труп. Здесь же и засохшая кровь, посыпанная специальным составом с примесью хлорки. И что теперь со всем этим делать? Никита остолбенело смотрел на меловой контур. Как же он мог допустить, чтобы какой-то ублюдок зарезал Антонину во дворе его дома? Ладно, не было собаки, некому было вспугнуть злодея, но ведь у него же чутье на опасность... Видно, припустилось чутье за годы спокойной жизни, потому и прохлопал он убийцу. Обидно. До боли обидно.

Прозевал он убийство Антонины, но это же не значит, что ему нужно наказать себя за это – подставиться под правосудие и сесть на пятнадцать лет. Настоящего убийцу нужно искать, пусть этот подонок ответит за свое злодеяние...

По пути домой Никита решил растопить баньку, попариться, но сейчас настроение упало. Он запустил газовый котел, нагрел воду и сполоснулся в душе. Перекусил, надел чистую фут-

болку, джинсовый костюм, направился к машине. Он знал, где живет мать Антонины, она и скажет ему, как найти Сухонина. А уж он-то найдет способ, как поговорить с ним по-мужски.

Никита уже собирался выехать со двора, когда к воротам подъехал темно-серый внедорожник «Хонда». Из машины вышла Демичева. Уж не для того ли она подъехала, чтобы его остановить?

Глава 6

Свой мундир Демичева оставила в райотделе, а к Никите приехала в брючном костюме. Смотрелась она в нем превосходно. И все потому, что в гражданке она еще больше напоминала его Асю. Такая же милая, нежная и незащищенная...

– Куда-то собрались? – спросила молодая женщина, глянув на заведенную машину Горелова.

– Да вот, к вам решил заехать.

– Ко мне?

– Спросить хотел, что с этой бедой делать? – спросил он, кивком указав на меловой силуэт.

– Хотите, чтобы я его смыла? – насмешливо спросила Инна.

– Да нет, я сам могу. Только вот можно ли?

– Можно... И вы собрались ко мне, чтобы спросить меня об этом?

– А что вас удивляет?

– Ну, могли бы позвонить...

– А может, я повидать вас хотел? – улыбнулся Никита.

– Зачем? – заметно напряглась следователь, и ее щеки вдруг порозовели.

– А вдруг вы мне нравитесь?

– Давайте без этого! – пытаюсь спрятать улыбку, нахмурилась Демичева.

– Давайте... Вы мне действительно нравитесь, Инна Сергеевна. Но заигрывать я больше не буду, – совершенно спокойно сказал Горелов.

– И не надо.

– А то подумаете, что я пытаюсь воздействовать на ход следствия, еще посадите меня под замок.

– Не исключено. – Она продолжала хмурить брови, и губы вытягивала трубочкой, чтобы они не расплзлись в улыбке.

– Да и нельзя мне с вами заигрывать... – Ему тоже пришлось поднапрячься, чтобы сохранить серьезную мину. – Антонина хоть и не была мне женой, но все-таки надо отдать долг ее памяти... Да и вам со мной опасно...

– С чего это вдруг опасно?

– Ну, может, проклятие надо мной... Знаете, есть черные вдовы, а я, возможно, черный вдовец... Хотите, в дом зайдем? Чаю могу предложить или кофе.

– Да нет, лучше на улице поговорим, – ответила Инна. – Погода хорошая...

Погода действительно стояла отличная – солнце в чистом небе, легкий теплый ветерок, дышится легко. Но ведь дело не в этом.

– Я вас что, напугал? – заулыбался Никита. – Бойтесь в гости к черному вдовцу?

– Нет, не боюсь... – не очень уверенно ответила молодая женщина.

– Вот и я думаю, что вы, Инна, не должны бояться. Все-таки вы офицер полиции, старший лейтенант, вы обязаны быть смелой. Я, как человек из народа, должен верить в вас и надеяться...

– Так вы черный вдовец или человек из народа? – усмехнулась следователь.

– Вы хотите об этом поговорить?

– Вряд ли. Но от кофе, пожалуй, не откажусь.

Никита провел Демичеву в дом, посадил в кресло в каминном зале, включил телевизор, а сам отправился на кухню. Приготовил кофе, сыр нарезал, сервелат, печенье в вазочку насыпал.

– Чем богаты, как говорится...

– Спасибо. – Инна стояла у камина и смотрела на фотографию на полке. – Ваша девушка? – спросила она.

Это была его самая любимая фотография. Он стоял в обнимку с Асей. Они были веселы и еще не знали, какая беда их в скором времени ждет.

– Это моя жена. Асей ее звали.

– Звали?

– Ее убили.

– Бандиты?

– Почему бандиты?

– Ну, вы говорили, что вам пришлось скрываться от них.

– Да, говорил... Ее действительно убили бандиты. В девяносто пятом это было.

– Мои соболезнования, – сказала Инна, продолжая рассматривать фотографию.

– Да ладно, чего уж там...

– Значит, вы все-таки вдовец?

– Надеюсь, что не черный, – совсем не весело усмехнулся Никита.

– Но Антонину же убили...

– Она не была моей женой... И это первый случай. Ну, после Аси.

– А были еще жены?

– Нет.

– А женщины?

– Бывали... А что?

– Интересно. Дело еще не закрыто... – думая о чем-то своем, отстраненно улыбнулась молодая женщина.

– Если вы думаете, что это кто-то из моих бывших Антонину заказал, то это не так.

– Да нет, на бывших жен не думаю. А на бывших мужей... Это я про Сухонина, – в раздумье проговорила Инна.

– На Сухонина думаете? – Никита пристально посмотрел на нее.

– Думаю, – ответила следователь.

– Он срок мотал, на законного вора, здесь в Потоцке, шестерил. Блатной он, беспредельщик.

– Про вора в законе откуда знаете?

– Сосед по камере просветил... Кстати, что с Артуром будет?

– Я не знаю, кто это такой, – покачала головой Демичева.

– Точно не знаете?

– Нет. А что?

– Ну, не знаете и не знаете...

Никита грешил на Ракитина, но ведь и Демичева могла быть с ним заодно. Она могла знать, кого к нему в камеру подселил опер... Но, похоже, не знала она. Если так, то и говорить нечего. А то Инна еще подумает, что Никита жалуется ей на Ракитина...

– Не знаю я, кто такой Артур, – в раздумье повторила она. – А кто такой Сухонин, знаю. Он действительно мог убить Антонину... Он это отрицает, и алиби у него, но я ему не верю.

– Значит, плохо допрашивали, если отрицает.

– Я не допрашивала.

– Так в чем же дело?

– В том... – Демичева какое-то время в замешательстве смотрела на него, не зная, говорить или нет. И все-таки решилась. – Я не должна вам это говорить, но и не сказать не могу. Я смотрю, вы, Никита Тимофеевич, настроены решительно, как бы дров не наломали... Не надо связываться с Сухониным.

– Почему?

- Позвонковый он.
- Не понял.
- По звонку с ним вопрос решили. Просят оставить в покое.
- Теперь понятно... И кто просит?
- Есть люди, с которыми лучше не связываться.
- И я должен бояться этих людей?
- Разумеется, если не хотите, чтобы вас вернули за решетку.
- Вы приехали, чтобы это мне сказать?
- Да, для этого я и приехала.
- И кто вас уполномочил?
- Я сама.
- Зачем?
- Если вы думаете, что я переживаю за Сухонина, то это не так.
- А за кого вы переживаете, за меня? – недоверчиво спросил Никита.
- Да, за вас, – Демичева смотрела на него чуть затуманенным от волнения взглядом.
- И с чего такая честь?
- Ну, я переживаю за вас...

Никита и дальше мог бы задавать вопросы, выясняя, насколько искренна с ним следователь. Но ведь можно было прибегнуть и к другому способу, тогда и говорить ничего не надо будет. Только опасно это... Но кто не рискует, тот не целует женщин.

Именно так и подумал он, порывисто, но мягко обняв Инну за шею. Она и опомниться не успела, как ее губы оказались в плену его губ. Но вот она дернулась, ее кулак ударил Никиту по плечу – раз, другой, на этом все и закончилось. Тело ее расслабилось, ноги подкосились. Она сдалась на милость победителя, но в ответ обнимать его не стала. И язык она прятала, хотя, казалось, совсем не прочь была пустить его в ход.

Не устояла Инна перед его натиском, позволила ему перейти черту. Но при этом она отдавала себе отчет в происходящем. Она – следователь, он – подозреваемый, именно поэтому Никита не должен увлекаться. Там, за чертой, которую он переступил, был мост, ведущий через пропасть. Если он сделает неверный шаг, то провалится в бездну. Если поведет себя правильно, то перейдет через мост и останется с Инной.

Горелов выбрал правильный путь, поэтому не стал раздевать Инну, чтобы испытать более острые ощущения. Он отпустил ее и отстранился.

– И что это было? – глядя куда-то в сторону, вибрирующим от волнения голосом спросила молодая женщина.

- Ты действительно за меня переживаешь, – сказал он.
- Мы с вами на «ты»?
- Предлагаете усложнить отношения?
- А мы их упрощали?
- Как хотите, так и считайте.

Он поднялся, подошел к серванту, достал из него бутылку французского коньяка, поставил на барную стойку два бокала, но наполнил только один. И залпом выпил.

– А ты как считаешь? – спросила Демичева.

– Считаю себя дураком, – ответил Никита и на этот раз наполнил оба бокала. – Поступок дурацкий... Но поступок.

Инна подошла к нему, села за барную стойку и тоже выпила. Чокнуться не предложила. Коньяк хороший, мягкий, поэтому она даже не поморщилась. Хотя глаза заслезились.

- Тебя накажут, если я вдруг полезу к Сухонину? – спросил Никита.
- Накажут тебя.
- Но ты же должна меня предупредить.

– Я же говорю, никто меня не уполномочивал ехать к тебе. – Инна смело и с улыбкой смотрела на хозяина дома.

– Но ты же приехала.

– Коньяк у тебя вкусный.

Никита плеснул ей в бокал на два пальца. Они чокнулись, выпили. Инна выразительно посмотрела на собеседника, требуя закуски, и не той, которая лежала на столе. Он все понял и потянулся к ней. Она обвила его шею, их губы слились в поцелуе, и Никита ощутил нежность ее языка...

Сначала Никита перешагнул черту, затем перебрался через шаткий мостик, но теперь перед ним простор и раздолье. И не болото там под васильковым полем, а твердая почва, по которой он смело понес Инну на руках на диван...

– И как это называется? – спросила Инна некоторое время спустя.

Они в обнимку лежали на кожаном диване, и он не казался им тесным.

– Злоупотреблением своим служебным положением, – пошутил Никита.

– Хочешь сказать, я тебя совратила? – возмутилась молодая женщина.

– Поверить не могу, я спал с гражданином начальником...

– Так тебе и надо!

– Ты же никому не расскажешь, гражданин начальник?

– Лишь бы ты не рассказал.

– А есть кому?

– Ну, если начальство узнает...

– А не начальство?.. Кто у тебя, муж, парень?

– Мужа нет... – задумчиво поговорила она.

– А парень?

– Все зависит от тебя...

– Я тебя никому не отдам.

– И не надо.

Инна прижалась к Никите и с жаром обняла его.

– Мне кажется, я схожу с ума, – зажмурилась, пробормотала она.

– Я и сам в шоке.

Еще сегодня утром он всерьез готовился отправиться в следственном изоляторе по этапу, а сейчас – лежит в обнимку с желанной женщиной. На воле он, а не в заключении. Но свободен ли он от своего следователя? Скорее нет, чем да. Но так ему и не нужна свобода от нее.

– Ну да, ты же переспал с гражданином начальником, – совсем не весело усмехнулась Инна.

– Дело не в этом, а в том, что я тебя долго ждал...

Он хотел сказать, что ждал ее с тех пор, как остыла земля на могиле жены, но передумал. А то ведь затем придется пояснить, что Инна внешне похожа на его жену, а зачем ей это знать? Какой женщине хочется быть чьим-то подобием?.. Да и не смог бы он сказать, потому что в дверь вдруг постучали.

Инна резво соскочила с дивана, смахнула с кресла свои брюки. Никита вспомнил, что не закрыл калитку, но кто мог зайти к нему во двор без приглашения? Правильно, кто-то из коллег Инны. И она, похоже, подумала о том же.

И точно, на крыльце стоял старший лейтенант Ракитин. Синие джинсы с боковыми карманами, темно-серая толстовка с капюшоном. Он стоял, расправив плечи, руки в карманах, одна нога выставлена вперед. Похоже, он что-то насвистывал, пытаясь придать себе решимость.

Никита оделся сам, дождался, когда Инна приведет себя в порядок, только тогда открыл дверь.

– Чего так долго не открывал? – нахраписто спросил старлей, переступая через порог.

Как будто к себе в дом входил. Никита, по его мнению, должен был посторониться, но он даже на полшага не сдвинулся с места.

– Во-первых, здравствуй.

– Ну, здравствуй... Инна где? – спросил опер, пытаясь скрыть испытываемую им ревность и обиду.

– Ракитин, ты что здесь делаешь? – удивленно спросила Инна.

Глядя на нее, непросто было догадаться, чем она только что занималась. Суровая, официальная, холодная.

– Да нет, это что ты здесь делаешь? – с осуждением спросил Ракитин.

– Забор осматривала...

– Забор? – скривился старлей.

Он зашел в каминный зал, глянул на барную стойку и обиженно хмыкнул:

– Неплохой у вас тут забор из «Хеннеси»...

– Трава мокрая была после дождя, – сказал Никита. – Инна Сергеевна ноги промочила, а коньяк согревает, если ты не знал.

– Больше ничего не промочила? – ухмыльнулся Ракитин.

– Ты, старлей, не забывайся, – нахмурился Горелов.

– А то что? – встрепенулся опер.

– Думаешь, я не знаю, кто ко мне Артура зарядил? Знаю. Как считаешь, что прокурор скажет?

– Это еще доказать нужно.

– А без доказательств?

– Без доказательств тебе никто не поверит.

– А тебе?

– Что мне? – фыркнул Ракитин.

Никита вздохнул и положил руку ему на плечо. Это была провокация, на которую старлей и повелся. Он и его проучить захотел, и перед Инной блеснуть, поэтому попытался взять руку в захват. Но Никита ушел от приема и сам взял Ракитина в оборот. Заломил ему руку за спину, оторвал от земли его левую ногу. Он вытолкнул опера из зала, заставив пропрыгать на правой ноге через холл, затем вышвырнул его из дома на крыльцо и закрыл дверь.

– Ну и хамы у вас работают, Инна Сергеевна, скажу я вам, – охлопывая ладони, сказал Никита.

– И не говорите, Никита Тимофеевич, – засмеялась Инна.

Ракитин забарабанил в дверь, но Горелов пригрозил вызвать наряд полиции. Только тогда опер успокоился и убрался со двора.

– Идиот, – проговорила Инна, из окна глядя ему вслед.

– Да, но что этот идиот здесь делал?

– Меня искал.

– Зачем?

– Поеду я.

– Думаешь, начальство его послало?

– Может быть...

– А мне кажется, он просто тебя ревнует... Он – твой парень?

– С чего ты взял? – Всем своим видом Инна давала понять, что ей и даром не нужен этот придурок.

– Он ко мне в камеру приходил. Сцену ревности устраивал...

– Это как?

– Ну, мол, ты во мне нашла что-то, и он это заметил.

– А я в тебе что-то нашла? – игриво спросила Демичева.

- А разве нет?
- Ну, если Миша это заметил...
- Заметил. И меня предупредил. Сказал, чтобы я голову тебе не дурил...
- А ты мне дуришь голову?
- Не знаю...
- Ладно, мне пора, – Инна нерешительно шагнула к дверям.
- Я не дую тебе голову. Просто я влюбился в тебя, как пацан. Хотя нет, не просто влюбился...
- А как? – шалея от удовольствия, спросила она.

И Никита ей ответил, но не словами, а на языке чувств. Он поцеловал ее в губы. Она ответила ему тем же, и вихрь этих чувств увлек их на второй этаж. Старший лейтенант Ракитин мог вернуться с подмогой, чтобы затем высадить дверь и взять дом штурмом, но эта мысль не могла их остановить. Все равно, если менты все узнают...

Глава 7

Черный «бумер» подъехал к обшитому пластиком зданию с вывеской «Автосервис». Из машины вышли двое – Митя Сухонин и его мордатый дружок. Щелк-вжик, щелк-вжик... Фотокамера у Никиты мощная, с многократным увеличением. Изображение с пятидесяти метров довольно четкое...

Сухонин поставил машину на сигнализацию и зашел в распахнутые ворота бокса. Увы, фотокамера сквозь стены снимать не могла, потому Никита не знал, что там, в мастерской, происходит. Но, похоже, Митя делал внушение работникам автосервиса. А может, и на самого хозяина наехал, если эта контора не принадлежала ему.

Похоже, Сухонин действительно контролирует автосервис в городе. И теща его это говорила, откровенничая с Инной, и сам Никита к этому склонялся. Второй день он за Митей мотается, фиксируя его связи. Почти все точки в городе он со своим амбалом объездил. Зачем – об этом пока только можно догадываться.

Минут через десять Митя вышел из мастерской и направился к своей машине. Толстенький мужичок с лысой шарообразной головой чуть ли не вприпрыжку следовал за ним. Заискивающий взгляд, угодливое выражение лица. Сухонин говорил с ним свысока, даже не глянул на него, пока не сел в машину. Закрывая за собой дверь, задержал руку, как будто для того, чтобы мужичок поцеловал ее. Правда, до поцелуя дело не дошло, но, судя по его поведению, бедолага мог бы опуститься до такого унижения.

Никита знал, как следить за объектом, не привлекая к себе внимания. Для этого есть много способов, и самый простой – наблюдение посредством электронного маячка. Прикрепил такую штуку к машине – и никаких проблем. Метод этот не годился, если объект располагал техническими средствами обнаружения радиомаячков и прочих шпионских штучек. Но Сухонин, похоже, был далек от подобного прогресса. Или он просто не думал, что за ним могут следить. Хотя должен понимать, что менты могут взять его под свой колпак. А может, он все-таки надеялся на своего могущественного покровителя?..

Но кто он, этот покровитель? Никита хотел это узнать, потому и колесил за Сухониным по городу.

Неплохо было бы взять Митю на прослушку, но Никита никак не мог подсадить к нему «жучка». У Мити была привычка – уходя, запирает машину и ставит ее на сигнализацию. Даже если на минуту от нее отходил... «Жучок» у Никиты имелся, а направленный микрофон, увы, нет.

Сухонин подъехал к ресторану в центре города. К тому самому, где Никита когда-то ужинал с Антониной. Здесь он и с Митей на свою беду познакомился. Сухонин оставил своего дружка в машине и сам направился в ресторан. Минуты через две вышел, но далеко уходить не стал. Осматриваясь по сторонам, закурил. Никита стоял в отдалении, и Митя его не заметил. А ведь его серебристая взятая напрокат «десятка» давно уже должна была примелькаться.

Сухонин выкурил одну сигарету, недовольно глянул на часы и полез в карман за другой. Но только он ее прикурил, как возле ресторана остановился «шестисотый» «Мерседес», из которого спешно вышел телохранитель в черном костюме. Он открыл заднюю дверь, помогая выйти немолодому, грузному, представительного вида мужчине с бородавкой на крупном носу. Митя подобрался, вытянулся в струнку. Одного этого хватило, чтобы Никита сфотографировал бородавчатого. Никита снимал его, пока мужчина не скрылся в ресторане.

Сухонин, казалось, превратился в швейцара – так он пытался угодить высокопоставленному гостю, но тот его как будто не замечал. Хотя интуиция и подсказывала Никите, что именно для встречи с Митей он сюда и приехал.

Минут через сорок под присмотром своего телохранителя бородавчатый вышел из ресторана, сел в свой «Мерседес» и уехал. Еще через пару минут появился Сухонин. Никита не заметил, чтобы он был огорчен и разочарован, хотя особой радости в его глазах не угадывалось...

Из ресторана Сухонин отправился в супермаркет, оттуда с полными пакетами всякой всячины поехал к своей теще. Никита почему-то думал, что та выставит его за дверь, не позволив увидеться с дочерью, но появился Митя только через три часа. Вернулся он без дочери, похоже, с надеждой на то, что скоро Юля будет с ним.

Затем он отправился к себе домой, по пути высадив своего накачанного друга.

Уже темнело, когда Сухонин подъехал к своему дому. Ворота за его машиной закрылись автоматически. Забор сплошной, и Никита не мог видеть, что происходит во дворе. Но уезжать он не торопился. Возможно, Сухонин сейчас переоденется и отправится в гости к своему боссу. А может, и к девице... Но Митя появился гораздо раньше, чем он ожидал. Никита с удивлением увидел, как он с легкостью перебрасывает свое тело через ворота. Как будто с трамплина его в высоту подбросило.

Митя перемахнул через ворота, перекатился через плечо, как заправский спецназовец, и побежал по дороге прямо к машине, в которой сидел Никита. Глаза большие, как у зайца, на которого наступил медведь, открытый рот перекошен от страха. Все бы ничего, но вслед за ними через забор перемахнул какой-то парень в черной бейсболке и солнцезащитных очках. Он на ходу достал из-за пояса пистолет, наставил его на Сухонина. Но Никита к этому времени открыл дверь, и беглец, ничего не соображая, запрыгнул в машину и спрятался за спинками задних сидений. И невдомек ему, что это ловушка.

Никита сдал назад и проехал метров двести по улице, прежде чем развернул машину.

– Давай, братан, гони! – взвыл Сухонин. – Озолочу!

Парень с пистолетом отстал. Он понял, что жертву не догнать, и, чтобы не привлекать к себе внимания, исчез.

Никита остановил машину, резко развернулся к пассажиру и ударил его кулаком в висок. Тот поплыл, и тут же последовал удар в шею, который отключил его.

– Тамбовский волк тебе братан!

Он связал Митю, повез за город. Сухонин жил на окраине города, и лес отсюда недалеко, так что путь будет недолгим. Митя пришел в себя довольно быстро. Никита связал его так, чтобы он не мог подняться. И еще зеркало заднего вида от себя отвернул, чтобы он не мог его увидеть.

– Слышь, пацан, давай договоримся! – дребезжащим от страха голосом умоляющим тоном предложил Сухонин.

Никита молчал.

– Скажи Самороду, что замочил меня и в речку спустил. А я тебе бабла отвалю. Сто штук евро, и разбежимся, лады?.. Ну чего ты молчишь, а?.. – истерично заговорил Сухонин. – Ну, хочешь, двести штук, а?

Никита молчал, тем самым поднимал цену.

– Хорошо, давай двести пятьдесят, и по рукам... Больше нет, хоть убей.

– И убью, – слегка изменив голос, сказал он.

– Слышь, не надо!

– Нет у тебя шансов, Митя. Заказ есть заказ...

– Триста штук!

– Ну, за триста штук я могу Саморода грохнуть. Тогда и ты жить будешь...

– Давай так! – обрадовался Сухонин.

– И не жалко?

– Кого, Саморода?.. Мужик он конкретный, не вопрос, но я жить хочу. И если по-другому нельзя... Ему же меня не жаль, да?.. Слушай, а ты кто такой?

– А кто тебе нужен?

– Я тебя не знаю...

– А ты всех у Саморода знаешь? – останавливая машину, спросил Никита.

– Нет, не всех...

– А кто за тобой гнался, знаешь?

– Костяк... Слышь, да ты не от Саморода! – наконец-то догадался Сухонин.

– Да я сам по себе самородок, – усмехнулся Никита.

Он вышел из машины, взялся за Митю и выдернул его из двери как репку с грядки. Место тихое, безлюдное, но по дороге могла проехать машина. Вдруг водитель увидит, как он говорит по душам с пленником, позвонит в полицию. Чтобы этого не случилось, он оттащил Сухонина подальше от дороги, за кусты.

– Ну ты и падла! – задыхаясь от ненависти, заорал Митя.

– Я смотрю, ты чего-то не понимаешь, – удивленно посмотрел на него Никита.

И ударил его ногой в печень. Сухонин, взыв от боли, скорчился. Горелов схватил его за голову, приставил к горлу нож, как будто собирался вскрыть ему глотку. Четко это сделал, без суеты и эмоций. Митя тут же забыл об отбитой печени.

– Эй, мужик, ты чего?

– А ты думаешь, тебя только Самород может грохнуть? Я тоже убивать умею. А тебя есть за что... Зря ты со мной связался, ох и зря... Даже обидно...

– Эй, чего обидно? – дрожащим от ужаса голосом спросил Сухонин.

– Ну, замочить тебя хотел. Думал, только я тебя и хочу замочить. А тут и без меня за тобой бегают... Может, Самороду тебя сдать, зачем руки о тебя, падлу, марать?

– Эй, не надо Самороду!

– А чего так? С ним не договоришься, да?.. Думаешь, с ним не сумеешь договориться, а со мной сможешь? Так не договоришься... Ну, все, давай! Будешь на том свете, скажешь Антонине, что я за нее отомстил.

Никита медленно провел ножом по горлу, вспарывая верхний слой кожи.

– Не надо! – засучил ногами Митя.

– Ну, Антонина тоже просила тебя не убивать. Ты ее послушал?

– Не просила...

– Чего так? Не успела?

– Не успела...

– Умеешь ты ножом бить, не вопрос. А я по колумбийским галстукам спец. Знаешь, что такое колумбийский галстук? Сейчас глотку тебе вскрыю, и язык через вырез высуну. Не веришь?

– Верю! Верю!

– Слушай, а чего ты такой трусливый? Антонину когда убивал, не боялся...

– Не убивал!

– Ну вот, врать начал. У меня аллергия на вранье. Такая аллергия на это дело, что аж ножом по горлу хочется... – Никита надавил на нож, но резать не спешил. Он вынул из кармана носовой платок, раскрыл его, наложил себе на живот под голову Сухонина. – Это чтобы кровью не запачкаться! Я так всегда делаю...

– Я не хотел Тоньку убивать!

– Да? И что ты у меня во дворе делал?

– Просто зашел!

– Ну, и я тебя сейчас просто вскрыю. Поверь, это будет не больно. Чик, и ты уже на небесах!..

- Я правда, не хотел... Нажрался, блин, Тоньку захотел увидеть, к тебе во двор влез...
- А где я живу, как узнал?
- Выследил я Тоньку... Правда, не хотел ее убивать!
- Как во двор ко мне попал?
- Через забор...

Никита осматривал забор, Инна ему в этом помогала, но ничего подозрительного они не обнаружили. И он теперь знал почему: видел, с какой легкостью Сухонин сигает через заборы. Да и сухо в ту ночь было, потому и грязи на заборе не осталось. Искать отпечатки пальцев на кирпиче по периметру забора – дело бесполезное и неблагодарное.

- Поговорить с Тонькой хотел!
- Поговорил.
- Лучше бы она не выходила...
- Она сама вышла?
- Сама.
- С телефоном?
- Да. Я как подумал, что ты ее трахал, а она визжала от восторга... В общем, не сдержался...

- Телефон у нее забрал, да?
- Да сам не понял, как он у меня в руках оказался...
- На «ноль-два» позвонил?
- Ну да.
- Как уходил?
- На машине я был...
- Возле моего дома машину поставил?
- Нет, ближе...
- Кто-нибудь видел, как ты в машину сел?
- Мужик какой-то вышел, сказал, чтобы я машину убрал. Выезжать он собирался.
- Из какого дома мужик?
- Номер я не помню... Бревенчатый дом, ворота деревянные...

Обращался Никита в этот дом, но ничего не узнал. Хозяин дома с друзьями на рыбалку уехал на пару недель. Оказывается, он в то утро и уезжал, когда Антонина погибла... Что ж, когда-нибудь вернется. Может, и Сухонина опознает. Возможно, он даже кровь на его одежде видел.

Не мог не оставить Сухонин следов, потому и обратился за помощью к своему покровителю. Но тот, видимо, решил подстраховаться. И правильно сделал: ненадежный Митя мужик – подлый и трусливый.

- Голова у тебя, Митя, деревянная.
- Бес попутал!
- Да? Ну, бесу за свой косяк и предъявишь. Только не хами, а то в котле со смолой вариться будешь... Хотя там тебе и место... Ну все, привет Антонине!..
- Не надо! – зарыдал Сухонин.
- Врешь ты, Митя. Ты же убивать ко мне приходил. И Антонину ты ревновал, и дочь забрать хотел...
- Я о дочери тогда не думал!.. Честное слово, бес попутал!
- А ведь ты и меня грохнуть мог...
- Не убивай, ну, пожалуйста! – Сухонин в истерике засучил ногами.
- Да нет, наказать я тебя должен.
- Ну, накажешь, и что? Ты же под следствием! Тебя же посадят! – Митя смотрел на Никиту глазами жертвенной овцы на заклании. Страшно ему. До безумия страшно.

– Не посадят. Улик против меня нет. Если тебя мертвым найдут, твой Самород покрывать тебя не станет. Тогда и запись голоса твоего на экспертизу отдадут, и свидетель тебя опознает без проблем... Ты же левша, да?

– Э-э, да...

– Ты Антонину левой рукой ударил...

– Ну а вдруг на тебя все свалят?

– Не свалят.

– А вдруг?.. Хочешь, я в ментовку пойду, вину на себя возьму!

Именно этого Никита и хотел, но ему нужно было, чтобы Сухонин сам дошел до такого решения. А это рано или поздно должно было случиться.

– Ну да, я тебя в ментовку отвезу, а ты рот на замок закроешь...

– Честное слово, не закрою! – не очень убедительно заверил Горелова Митя.

– Ну, может, и не закроешь... Самород за что тебя замочить хотел?

– Не знаю, – пробормотал Сухонин.

– А я знаю... Самород за тебя похлопотал, а уверенности в том, что ты будешь молчать, нет. Вдруг менты тебя за жабры возьмут? Ты такой, что и Саморода сдать можешь, да?

– Я?! Да никогда!

– Кто такой Самород? – Никита провел ножом по горлу, постепенно усиливая давление на клинок.

– Он старший у нас, – не выдержал напряжения Сухонин.

– У кого у вас?

– Мафия у нас.

– И что за дела у вашей мафии?

– Автобизнес...

– Все, кто в этом бизнесе, отстегивают вам, так?

Инна поделилась с Никитой всем, что узнала насчет Сухонина. А взамен попросила его не гнать коней, потому и следил он за Митей. Всего лишь следил, хотя сразу мог взять его за жабры... Это случай свел их вместе на узкой дорожке, а так бы он и завтра бегал за ним, как хвост за собакой.

– Ну да, все.

– А если не отстегиваешь, то кирдык, да?

– Не кирдык, но мало не покажется...

– Ты автобизнесом рулишь, да?

– В общем, да, на меня все завязано...

– Тогда зачем тебе Самород, если ты сам все решаешь?

– Он старший...

– Правильно, старший. Старший над такими старшими, как ты. Кто-то автобизнес держит, кто-то еще что-то, а Самород главный. Или я что-то не так понимаю?

– Все верно, у меня автосервис, кто-то тачки угоняет...

– Для тебя угоняет?

– Ну, есть у нас точка...

– И кто угоняет?

– Зачем тебе?

Никита пожал плечами. Меньше знаешь, крепче спишь. Тем более что с местной мафией он бороться не собирался.

– Наркотой тоже занимаетесь?

– Есть немного...

– Девочки?

– Тебе какая разница?

– И над всем этим Самород стоит, да?.. А говоришь, не сдашь Саморода, – засмеялся Никита. – А сам с потрохами сдаешь... Знает он, какая ты шкура, поэтому киллера к тебе заслал. Я бы на его месте тоже так бы поступил... Завтра с утра к ментам пойдешь, к следователю Демичевой, расскажешь, как Антонину убивал...

– Пойду! – кивнул Сухонин, забыв о том, что у него нож под горлом.

– Если ты Саморода не сдашь, он тебя не тронет.

– А зачем его сдавать? Он же не при делах! И Антонину не заказывал!..

– Тем более.

– Значит, к Демичевой завтра, да? – воспрял духом Сухонин.

– Я смотрю, у тебя настроение поднялось. Думаешь как лоха меня обкрутить... Если кинешь меня, то по городу слух пойдет, что ты Саморода сдал. Если нормально все сделаешь, тебя в Москву переведут, в Лефортово. Там тебя Самород не достанет...

– В Лефортово? С какой это стати?

– А к тебе же братья-мусульмане подкатывали, пояс шахида поносить предлагали. Антонина это слышала. А как ты отказался, не слышала. Она сказала, что ментам тебя сдаст, ну, ты ее за это и приговорил...

– Какой пояс шахида? Не было никакого пояса!

– Не было, а ты скажи, что был. Тогда тобой ФСБ займется. А ФСБ – это Лефортово. Там такой режим, что Самороду тебя не достать...

– Ты не знаешь Саморода, у него руки длинные.

– Чем длиннее руки, тем тяжелее их вытягивать. Чем длиннее руки, тем легче их обрубить... Короче, я предложил тебе вариант, а ты уже выбирай.

– Хорошо, можно и с поясом шахида, – кивнул Сухонин. – Только что я скажу? Что это за люди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.